

Глава 8. Ненаписанные главы: понятие «вид» в биологии и «близкие виды»

В предыдущей главе я рассказал о тех результатах, которые мне следовало бы рассмотреть в книге «Поведение животных и этологическая структура популяций», если бы я писал ее сегодня, и о некоторых забавных приключениях во время этих изысканий. Здесь я хочу таким же образом дополнить содержание другой моей монографии, «Гибридизация и этологическая изоляция у птиц», о создании которой речь шла в главе 6.

Вид и подвид – условность разграничения

Если вы хорошо знакомы с жизнью природы, для вас не составит труда отличить клён от ясеня или домового воробья от полевого. Дело в том, что разные виды растений и животных обычно настолько резко отличаются друг от друга, что принадлежность виденного вами цветка, дерева или птицы к тому или иному виду не должна вызывать каких-либо сомнений

Но дело не всегда обстоит так просто. Представители тех видов, которые в процессе эволюции разошлись сравнительно недавно (скажем, несколько тысяч, а не многие миллионы лет тому назад), оказываются внешне очень похожими друг на друга. Учёные их так и называют – «близкие виды».

Между тем, понятие это в высшей степени растяжимое – к близким видам одни исследователи могут относить все виды одного рода, как мы видели, когда речь шла о каменках. Так, к этому роду певчих птиц относятся и плешанка, и плясунья – виды, разошедшиеся как раз миллионы, а не тысячи лет назад. С другой стороны, в ту же категорию попадают так называемые «проблемные» виды. В отношении них возникает вопрос, действительно ли мы имеем дело с двумя (или большим числом) близких видов, или же это всего лишь *разновидности* одного вида, особенности которого лишь в деталях отличаются в разных участках области его распространения. Такие формы называют также «полувидами» или, по-другому, «видами на стадии становления».

Все это заставляет некоторых ученых усомниться в самой реальности категории «вид». Сам Чарльз Дарвин, понимая, что процесс видообразования постепенен, пришел к выводу об условности границы между понятиями «подвид» (разновидность, в терминологии того времени) и «вид», в строгом смысле этого слова. Выдающийся теоретик биологии Эрнст Майр попытался в 1950-х годах разрубить этот терминологический гордиев узел. Он утверждал, что подвиды

отличаются от настоящих («хороших») видов тем, что между первыми возможна гибридизация, а между вторыми – нет.

Но как быть в том случае, если в одном регионе помеси между животными, которых мы склонны отнести к разным видам, не встречаются никогда, а в другом районе совместного обитания эти разные по облику создания более или менее свободно скрещиваются друг с другом? Когда дело обстоит так, учёные мужи могут десятилетиями спорить друг с другом, имеем ли мы дело с одним видом, с двумя или с несколькими. Разумеется, когда мы со временем узнаём больше об интересующих нас животных, вопрос постепенно проясняется и та или иная точка зрения становится несколько более весомой.

Немного о «видах-двойниках»

Особый случай, которого мне придется коснуться далее, связан с вопросом о применимости понятия «виды-двойники» и надежности разных способов их распознавания в природе. Суть явления в том, что животные, относящиеся к двум разным видам, неразличимы по внешнему облику, но обладают существенно разной генетической конституцией. Так, например, только в середине 1960-х годов отечественные зоологи неожиданно выяснили, что обыкновенная полевка, которая десятилетиями служила *модельным видом* в исследованиях по динамике численности грызунов, на самом деле представлена в фауне Европы двумя разными видами. Это собственно обыкновенная полевка (*Microtus arvalis*) с числом хромосом 46 и восточноевропейская полёвка (*Microtus levis*), кариотип которой состоит из 54 хромосом. При совместном содержании этих полевок в неволе они категорически отказываются скрещиваться.

Но даже зная обо всем этом, выяснить, держите ли вы в руках особь того или другого из этих двух видов, можно лишь с применением специальных методов анализа крови или состава белков. Гораздо чаще трудности в распознавании видов, которые имеют между собой много общего во внешнем облике, объясняется попросту недостаточным знанием о тех или иных их важных качествах. В таких случаях термин «виды-двойники» неуместен, он служит лишь прикрытием поверхностного подхода в попытках сравнения одного с другим¹. В таких ситуациях не следует полагаться только на чисто внешние признаки, такие,

¹ Об этом шла речь в главе 1, где я рассказывал о своих исследованиях поведения синиц болотных гаичек.

например, как детали окраски и размерные характеристики. Необходимо пытаться как можно больше узнать об образе жизни сравниваемых животных. Особенно много могут дать сведения о поведении тех и других. Например, два вида самых обычных наших птиц — пеночек, весничку и теньковку, различить в природе гораздо проще по их пению, чем по внешнему виду. Их удивительным сходством в окраске пользовались недобросовестные птицеловы, торговавшие своей добычей на московском птичьем рынке. Песня веснички приятная и мелодичная, а самец теньковки непрерывно издает свое монотонное «тень-тинь-тинь-тень...», что может быстро привести любителя птиц, приобретшего такого певца, в состояние неистовства или даже нервного шока. Продавцы пользовались именно незнанием, свойственным таким неудачникам. Ведь истинному специалисту различить самцов веснички и теньковки ничего не стоит по цвету их ног, светло желтых у первого вида и черных – у второго.

Пустельги – обыкновенная и степная. На протяжении более чем десяти лет моих полевых исследований в Средней Азии вопрос о том, как различать эти два вида мелких соколов, постоянно заставлял меня погружаться в отчаяние. Позже выяснилось, что видел я все эти годы только обыкновенных пустельг, но я подозревал, что попросту не отличаю их от степных и тем самым допускаю непростительные ошибки в своих дневниковых записях.

Причина такой неуверенности коренилась, во-первых, в том, что ни в одном из литературных источниках, доступных мне в то время, не было ясных и точных описаний тех признаков, по которым этих птиц можно различать в природе. В ..**томе** сводки «Птицы Советского Союза» про степную пустельгу было сказано так: «Очень похожа на обыкновенную, только тоньше и стройнее». Во-вторых, я не мог проигнорировать точку зрения крупного орнитолога Л.С. Степаняна, который в своей книге «Надвиды и виды-двойники в авифауне СССР» безапелляционно отнес эту пару видов к категории двойников. Видимо, думал я, распознавание их и в самом деле представляет собой непростую задачу, и мне не под силу решить ее без серьезных усилий.

Эти опасения растаяли как дым сразу же, как только мне посчастливилось стать свидетелем совместного обитания обыкновенной и степной пустельг. Это произошло при первом же моем посещении Бадхызского заповедника, в 1976 году. В том самом распадке, где мы с Мишей Галиченко метили черепах, на

обширной скальной стенке выбрали места для гнезд пять пар обыкновенных пустельг и одна пара степных. Каждая пара держалась около щели или ниши в каменистом обрыве, на некотором удалении от убежищ, облюбованных другими парами. Самки приносили сюда строительный материал для гнезд, а самцы – пойманных ими полевок, в качестве угощений для своих партнерш.

Уже при первом посещении этой своеобразной колонии я убедился в том, насколько существенны различия в вокализации этих пернатых хищников. В акустическом репертуаре обоих видов я насчитал по четыре типа сигналов. Один из них, своеобразное скрежетание, издавали только степные пустельги, как самцы, так и самки. Сигналы другого типа, особое «цик... цик... цик...», были свойственны обоим видам, но хорошо различались на слух.

Самки обоих видов внешне выглядели довольно похожими, но их легко было распознать по голосам. Что же касается самцов, то даже сама окраска их оперения различалась настолько, что ошибку в их идентификации мог бы допустить только совершенно неопытный наблюдатель. В итоге выяснилось, что все те тревоги, которые мучили меня в предыдущие годы, были абсолютно беспочвенными. Стало очевидным, что назвать обыкновенную и степную пустельг видами-двойниками мог только человек, который лишь мельком наблюдал их в природе, не присматриваясь к очевидным различиям между ними во внешнем облике и в поведении.

На следующий год на той же скальной стенке число гнездящихся соколов существенно увеличилось. Теперь здесь в компании с одиннадцатью парами обыкновенных обосновались две пары степных пустельг. Мы с Галей Костиной на протяжении двух недель вели тщательные наблюдения в этой колонии над тем, как ведут себя особи обоих видов в ситуациях спаривания. В результате нам удалось выявить некоторые межвидовые различия в тактических аспектах поведения до, во время и после копуляции.

Члены пары степных пустельг примерно в половине случаев подолгу (до часа и более) сидят до начала спаривания на расстоянии около полуметра друг от друга, обмениваясь время от времени акустическими сигналами. Зачастую такие совместные посиделки приурочены к ветвям сухих деревьев, значительно удаленных от гнездовой ниши данной пары. Все это нехарактерно для обыкновенных пустельг, у которых самец нередко, возвратившись в колонию после временного отсутствия, кроет свою самку прямо слету, недалеко от убежища для гнезда, где

она проводит большую часть времени, когда находится в колонии. Самцы степных пустельг отдают пойманных ими полевок партнершам в основном в тот момент, когда те сидят прямо в нише, в которой идет постройка гнезда. У обыкновенных пустельг, напротив, кормление самцом самки может происходить достаточно далеко за пределами колонии.

Когда наши наблюдения были обработаны статистически, оказалось, во-первых, что акт спаривания имеет в среднем немного большую длительность у обыкновенных пустельг и, во-вторых, что у этого вида последовательные копуляции гораздо чаще, чем у другого, объединены во времени в компактные серии.

«Новая систематика»

Начало моей работы в области зоологии совпало со временем разработки в ней новых подходов к решению векового вопроса, что же такое биологический вид и возможно ли узнать что либо достоверное о том, как реально движется в природе процесс возникновения и становления видов. Эта задача была поставлена ранее в коллективной монографии под редакцией выдающегося английского биолога Джулиана Хаксли «Новая систематика»². Основная идея редактора этой книги состояла в том, что систематик, основная работа которого протекает в стенах музея, должен обогатиться навыками полевого натуралиста и ознакомиться с основными принципами генетики популяций. Только так, полагал Хаксли, новая систематика сможет подойти к продуктивному анализу процессов видообразования в действии.

Двумя годами позже вышла в свет книга Эрнста Майра «Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога»³, переведенная на русский язык и изданная в СССР в 1947 году. В первой главе я писал о том, какое сильное влияние она оказала на развитие моих зоологических интересов. Майр конкретизировал идеи Дж. Хаксли применительно, главным образом, к орнитологии. Он одним из первых понял, сколь многое может дать новой систематике использование этологических подходов, разработка которых находилась в то время на пике развития.

² Huxley J. (ed). 1940. The new systematics. Oxford, 1940.

³ Mayr E. 1942. Systematics and the origin of species, from the viewpoint of a zoologist. Cambridge: Harvard University Press.

Как раз в те годы стал набирать силы пересмотр привычных представлений, которые еще со времен К. Линнея фиксировались в каталогах видового разнообразия, основанных на анализе музейных коллекций тушек птиц. Мало что можно было сделать в этой новой перспективе, если речь шла о фаунах Европы и Северной Америки, которые десятилетиями детально исследовались поколениями местных орнитологов. По иному обстояло дело с птицами тех регионов, где орнитология отставала в развитии, и куда доступ опытных исследователей из этих стран был затруднен по тем или иным причинам⁴.

Когда же у европейских и американских орнитологов начал усиливаться интерес к этим «экзотическим» фаунам, как из рога изобилия посыпались заметки в научных журналах такого примерно содержания: «Африканская птица X – это не подвид вида Y, а самостоятельный вид Z. Или, «Южноазиатские формы P и Q– это не самостоятельные виды, а всего лишь подвиды вида R».

Коль скоро ареной моих первых исследований оказались, по воле случая, как раз такие, сравнительно мало исследованные регионы Дальнего Востока, Центральной Азии и Закавказья, я волей-неволей был вынужден включиться в этот процесс уточнения таксономического статуса не только тех птиц, которые стали для меня модельными объектами, но и других, попадавших на глаза во время моих экспедиций.

Если говорить в этом контексте о моих модельных видах, то более углубленное ознакомление с литературными источниками сразу же преподнесло несколько терминологических сюрпризов. Например, уссурийского зуйка в шеститомнике «Птицы Советского Союза» ошибочно называли подвидом зуйка галстучника, а не самостоятельным видом. Черношейная каменка, которая в первых моих дневниках поименована латинским названием *Oenanthe lugens barnesi*, в той же сводке преподносилась в качестве географической расы вида, широко распространенного в Северной Африке и Передней Азии. В действительности же она оказалась подвидом другого вида – *Oe. finschii*. Здесь я просто повторял ошибку, которая содержалась в двух основополагающих сводках

⁴ Выгодное исключение из этого правила в истории зоологии дает нам русский следователь Николай Алексеевич Зарудный (1859-1919). Будучи преподавателем в Ташкентском кадетском корпусе, он объехал обширные пространства Средней Азии и, по поручению и на средства Русского географического общества, совершил четыре путешествия по Восточной, Центральной и Западной Персии и Белуджистану (ныне Иран). Только за одну из этих экспедиций, достигшую берегов Индийского океана, была собрана коллекция из 3140 тыс. экземпляров птиц и примерно 50 тыс. – насекомых (<http://birds-altay.ru/nikolaj-zarudnyj/>).

по орнитофауне нашей страны: «Птицы Советского Союза» и четырехтомник «Птицы СССР». Плешанку и испанскую каменку в обеих этих книгах уверенно считали подвидами единого вида: чернопегая каменка *Oe. hispanica*. О других подобного рода заблуждениях немало было сказано мной в предыдущих главах.

Пустынные снегири. В главе 2 я рассказывал о своем первом посещении Закавказья в 1970 году, куда я отправился по совету О.В. Митропольского. Прекрасный знаток птиц южных пределов тогдашнего Советского Союза, он порекомендовал мне, в частности, обратить внимание на птиц с этим довольно неожиданным названием. По его словам, там, в Нахичеванской АССР, он встречал в одних и тех же местах, две разновидности этих птиц – толстоклювого и монгольского пустынных снегирей.

Мне это показалось странным, поскольку в руководстве «Птицы Советского Союза» их называли подвидами одного вида. А между тем, каждому, кто хоть немного знаком с основополагающими принципами систематики, хорошо известно, что подвиды данного вида – это его *географические расы* и потому едва ли могут быть встречены вместе иначе, чем на общей границе их ареалов. Но карты их распространения показывали, что Нахичеванская АССР лежит никак не на рубеже зон обитания толстоклювого и монгольского пустынных снегирей, но внутри весьма обширной области перекрывания их ареалов.

В один из первых же дней пребывания в горной полупустыне Нахичевани мое внимание привлек совершенно необычный звук. Он поразительно напоминал протяжный дребезжащий сигнал клаксонов, которые в самом начале XX века устанавливали на первые автомобили. Вскоре удалось выяснить, что этот звук – не что иное, как песня самцов толстоклювого пустынного снегиря. Сам певец выглядел весьма необычно и эффектно, под стать этому совершенно не птичьему своему напеву. Все оперение нежно серовато розовое, на крыле розовый цвет гораздо более интенсивный, и, в добавление ко всему, – ярко оранжевый клюв, толстый и конический, по форме примерно такой же, как у нашего северного снегиря.

Птица поразила мое воображение, и я почувствовал, что мне необходимо поймать ее, хотя я тогда еще не осознавал окончательно, зачем мне это. Я решил ловить самца на чучело самки. Изготавливать его специально для этой цели мне не хотелось, и я решил прибегнуть к более простому способу. Застрелил самку,

гораздо более скромно окрашенную, шприцем накачал трупик формалином и, когда он начал твердеть, придал ему позу спокойно сидящей птицы. Затем, отойдя на сотню метров от лагеря, поставил на открытом месте ловушку-лучок, насыпал в нее семена, собранные с местного травянистого растения, укрепил рядом с лучком самку, присел неподалеку и стал ждать.

Время тянулось медленно. Я уже начал сомневаться в успехе всего мероприятия и отвлекся от лучка, прикуривая сигарету. Взглянул в сторону ловушки и увидел, что на самке сидит роскошный самец, пытающийся спариваться с ней. Только успел подумать, что сдуру не взял с собой фотоаппарат, как на спине этого самца приземлился второй. Делать было нечего – я встал, спугнул самцов и, не особенно рассчитывая на удачу, переставил труп самки прямо в центр лучка. Не прошло и нескольких минут, как под сеткой бился желанный самец пустынного снегиря.

Я посадил его в большую клетку и поставил ее прямо в нашем полевом лагере, чуть поодаль от палаток. Уже на следующий день самец начал петь, и мне удалось получить с близкого расстояния прекрасные магнитофонные записи всех вариантов его вокализации. Этого времени толстоклювые снегири то и дело прилетали в наш лагерь, на голос нашего пленника, и я смог без особого труда получить множество ценных сведений о поведении этих птиц.

А что же монгольский пустынный снегирь? Эта птица, оказавшаяся здесь вполне обычной, обладала некоторыми чертами сходства со снегирем толстоклювым: таких же размеров, с клювом толстым, но темно-желтым, а не ярко оранжевым. В окраске тоже присутствовали розовые тона, но гораздо более тусклые. Но ничего не стоило отличить монгольского снегиря от толстоклювого даже на большом расстоянии. У первого во время полета бросались в глаза два чисто белых поля на крыле, которых не было у второго. Поэтому для меня до сих пор остается загадкой, почему Л.С. Степанян называл этих двух столь разных птиц видами-двойниками.

Тем более, что буквально ничего общего не было в песнях самцов этих двух пернатых. У монгольского снегиря эти звуки более всего походили на мелодичный напев нашей европейской чечевицы, хорошо знакомой любому любителю природы. Он передается звукоподражательно фразой: «Витю видел?». Существенное отличие состояло в том, что песня монгольского снегиря много

длиннее и обогащена сложными руладами. Но в ней не было и намека на звуки клаксона, столь характерные для снегиря толстоклювого.

Короче говоря, стало ясно, что этих двух обитателей предгорной полупустыни ни под каким видом нельзя считать подвидами одного вида. То, что они в таком качестве фигурировали не только в сводке «Птицы Советского Союза», но и в исчерпывающем руководстве по пернатым Китая, можно было объяснить только неосведомленностью или невниманием орнитологов, высказывавших такую точку зрения. Еще забавнее выглядело следующее обстоятельство. В полевом определителе птиц СССР, изданном в 1968 году, рубрику «Пустынный снегирь» иллюстрировало изображение птицы, которая по фантазии художника выглядела как нечто среднее между толстоклювым и монгольским снегирями.

По материалам наблюдений, полученным мной с помощью Нины Булатовой, мы позже написали статью, где утверждали, что эти птицы представляют собой два разных вида, лишь очень отдаленно родственные друг другу. В местах нынешнего их совместного обитания они оказались следующим образом. Монгольский пустынный снегирь расселился туда с востока, из Центральной Азии, а толстоклювый – с противоположной стороны, из Средиземноморья.

Много позже, более четверти века спустя, я получил письмо от британского орнитолога Гая Кирвана, который в соавторстве со Стивеном Грегори вплотную взялся за анализ эволюционных взаимоотношений между этими двумя видами. В письме содержались несколько вопросов по поводу моего мнения относительно сходства между песнями монгольского пустынного снегиря и чечевицы. Когда статья этих авторов была затем, в 2005 году, опубликована в Бюллетене британского орнитологического клуба, они прислали мне ее отпечаток. Результат исследования состояла в том, что птицы, о которых идет речь, представляют собой настолько далеко разошедшиеся виды, что их следует относить даже к разным родам⁵.

«Кольцевой ареал» больших белоголовых чаек

Я работал в Институте эволюционной морфологии⁶ уже 17 лет, когда в 1990 году его директор В.Е. Соколов вызвал меня к себе и в конфиденциальной обстановке

⁵ Kirwan G.M., S.M.S. Gregory. 2005. A new genus for the Mongolian Finch *Bucanetes mongolicus* (Swinhoe, 1870). Bull. B.O.C. 125(1): 68-80.

⁶ Ныне Институт проблем экологии и эволюции РАН.

предложил подумать о создании новой лаборатории под моим руководством. Сначала я сказал, что едва ли пойду на это. Мне комфортнее, объяснил я, не быть зависимым от необходимости нести ответственность за работу целого коллектива и отвечать исключительно за результаты своей собственной научной деятельности.

Но когда я рассказал о предложении Соколова Ларисе, она загорелась возможностями автономного существования. Оно позволит нам, утверждала она, приобретать по заявкам в отдел снабжения института именно то научное оборудование, которое соответствует специфическим для нас потребностям работы в полевых условиях. Кроме того, можно будет набирать в аспирантуру способных студентов, которые в дальнейшем, вне всякого сомнения, обеспечат расширение фронта наших исследований.

В общем, я решил согласиться на руководство новым коллективом, поставив своим условием назвать его по собственному усмотрению. Так возникла Лаборатория сравнительной этологии и биокоммуникации, существующая и по сей день. Для начала я оформил переход в ее состав Васю Грабовского, который до этого числился сотрудником Костромской таежной научно-опытной станции под началом Л.М. Баскина. Вслед за ним из той же лаборатории к нам перешли Катя Елькина (ныне Куприкова) и Ирина Жесткова. Несколько позже в лабораторию были зачислены Андрей Фильчагов и Дмитрий Монзиков, только что окончивший Ярославский университет.

Я пригласил к сотрудничеству Андрея Фильчагова, зная со слов Васи, что тот серьезно заинтересован вопросами эволюционных взаимоотношений и систематики в том подразделении семейства Чайковых, один из видов которого, чайка хохотунья, давно уже стал одним из наших модельных объектов. Что касается Дмитрия Монзикова, то я планировал командировать его в помощь Андрею для работы по этой тематике. Конечную цель я видел в том, чтобы основательно разобраться в крайне запутанной проблеме так называемого «кольцевого ареала» у больших белоголовых чаек.

Много ранее, в книге «Гибридизация и этологическая изоляция у птиц» я обобщил, на основе литературных источников, накопленные к тому времени сведения по этому вопросу. Мнения по вопросам систематики этих птиц были крайне противоречивы. Разные авторы насчитывали от девяти до 17 форм этих чаек, причем одни исследователи считали, что все они, или по крайней мере некоторые, представляют собой самостоятельные виды, тогда как другие называли

большинство форм подвидами некоего единого вида. Причина разногласий таилась в том, что в тех местах, где ареалы тех или иных двух форм граничат друг с другом, часто удавалось обнаружить гибридизацию между ними, которая могла быть в одних случаях сугубо эпизодической, в других – достаточно массовой.

Эта ситуация послужила в период становления новой систематики моделью для формулирования гипотезы видообразования по принципу «кольцевых ареалов». Суть ее в следующем. Формы, произошедшие от общего предка, расселяются в противоположных направлениях от центра своего возникновения и дают начало новым популяциям, которые с каждым разом накапливают все больше и больше генетических отличий от популяций-основателей. Общая область распространения таких популяций разрастается в длину. Ее на этом этапе можно уподобить четкам чередующихся ареалов, каждый из которых занят подвидом, свободно гибридизирующим с обоими своими соседями справа и слева. Но если, в конце концов, эти линейные четки замкнутся в кольцо, его конечные звенья будут, по мнению авторов гипотезы, различаться генетически столь сильно, что гибридизация между ними станет уже невозможной, и такие популяции можно будет считать самостоятельными («хорошими») видами.

Большие белоголовые чайки были взяты примером такого гипотетического развития событий постольку, поскольку многие их формы распространены вдоль побережий Ледовитого океана в обоих полушариях, по всему северу Евразии, США и Канады. Таким образом, их ареал *в первом приближении* действительно выглядит как некое замкнутое кольцо сменяющих друг друга форм. Но в это кольцо невозможно вписать, например, хохотуний, обитающих далеко к югу, по берегам Черного и Каспийского морей. На мой взгляд, не вписывались в предлагаемую схему без сильных натяжек и некоторые другие чайки, гнездящиеся, скажем, на озерах Казахстана, на Байкале, в Монголии и на островах тихоокеанского побережья Северной Америки.

Короче говоря, к тому времени, когда мы решили приступить к реализации проекта по изучению эволюционных взаимоотношений у больших белоголовых чаек, было совершенно очевидно, что гипотеза «кольцевых ареалов» страдает рядом серьезных дефектов и потому – определенно уязвима для критики. Но помимо того, что в нее не укладывалась фактическая картина географического распространения чаек, неадекватной казалась мне общая постановка задачи: выяснить, какие формы следует трактовать как «виды», а какие – как «подвиды».

Мне казалось, что имеет смысл оставить на заднем плане такого рода терминологические споры («вид» или «подвид»)⁷ и сосредоточить внимание на анализе тех факторов, которые способствуют гибридизации или, напротив, препятствуют ей в тех местах, где разные формы чаек так или иначе контактируют друг с другом. Мой предыдущий опыт работы с каменками и сорокопутами подсказывал, что такой подход будет наиболее содержательным и принесет результаты по настоящему интересные для теоретической зоологии.

Нам предстояло первым делом детально описать характерные особенности как можно большего числа форм, научившись при этом надежно различать их в природе и в музейных коллекциях. Задача это непростая, поскольку подвиды/виды чаек зачастую похожи друг на друга как раз в такой степени, в какой это присуще истинным видам-двойникам. Следовало описать в деталях внешнее строение каждой формы, ее пропорции и окраску, характер сигнального поведения, включая особенности вокализации и, наконец, провести генетический анализ проб крови. Понятно, что измерить птицу и взять у нее кровь можно было, лишь держа ее в руках. Поэтому мы должны были научиться ловить чаек в таких количествах, которые удовлетворяли бы требования статистической обработки данных. Предстояло также проанализировать обширнейшие коллекции чаек в Зоологическом музее Московского университета, где мы с Димой в конечном итоге измерили и описали в мельчайших деталях 276 экземпляров разных их форм.

Эти исследования продолжались на протяжении восьми лет, в годы с 1991 по 1998. За это время сотрудники лаборатории провели с десяток экспедиций в разные регионы бывшего СССР. Я принимал участие в четырех дальних и трудоемких поездках совместно с Димой Монзиковым, а самую первую мне пришлось предпринять без содействия кого-либо из моих коллег по лаборатории. Я постараюсь по возможности лаконично описать некоторые забавные ситуации, сопровождавшие эти путешествия, отдавая себе отчет в том, что насыщенность каждого событиями, требующими упоминания, была такова, что подробный отчет мог бы составить тему еще одной книги.

Через Магадан на Аляску и в Берингов пролив. Весной 1991 года мне предложили присоединиться к группе орнитологов из нашего института, которой предстояло принять участие в советско-американской экспедиции в Берингов пролив. Ее

⁷ Далее я буду пользоваться нейтральным термином «форма», чтобы избежать опасной предвзятости суждений.

задача состояла в оценке численности морских птиц и состояния их популяций в прибрежных районах Чукотки и Аляски – по обе стороны морской границы между СССР и США.

Сначала я сильно сомневался в том, следует ли ехать, поскольку сам принцип такого рода исследований («узнать все обо всем сразу») мне совершенно не импонировал. Но коль скоро все мысли тогда были заняты чайками, я подумал, то стоит воспользоваться случаем в надежде познакомиться с тремя их формами, обитающими в этом регионе. Особенно интересовала меня так называемая тихоокеанская чайка, сведения о которой в сводках по птицам Советского Союза были предельно скудными. Из-за этого неясно было и ее систематическое положение. Одни исследователи считали этих птиц самостоятельным видом, другие же предполагали, что это всего лишь подвид большой морской чайки, обитающей совсем в других местах – в северной Атлантике. Я же понадеялся, что узнав побольше о поведении тихоокеанской чайки, смогу хотя бы отчасти прояснить истинную суть дела.

Проблема состояла в том, что этих чаек я не увижу там, где будет работать экспедиция, в состав которой я направлялся. Они обитают много южнее, по берегам и на островах Охотского моря. Поэтому я решил спланировать поездку так, чтобы заняться ими по пути к месту встречи с американцами на чукотском берегу Берингова пролива.

Я выяснил, что оптимальное место для изучения тихоокеанской чайки – это крошечный островок Шеликан в Охотском море, куда можно, в принципе, добраться из Магадана. В этом городе работал тогда и продолжает работать по сей день мой друг Даниил Иосифович Берман, который, узнав о моих планах, пообещал в письме организовать для меня посещение этого острова. В результате я решил лететь не прямо в Бухту провидения на Чукотке, как сделали все участники экспедиции с нашей стороны, а отправиться сначала в Магадан, зарезервировав время, достаточное для поездки на Шеликан.

Подготовка к поездке началась с того, что я дня два или три простоял в гигантской очереди перед Внешторгбанком, где только что, с началом Перестройки, появилась возможность обменять так называемые «чеки» на доллары. Чеками называлась своеобразная «параллельная валюта», существовавшая в СССР в 1964-1988 годах. Ими мне выдали гонорары за две моих книги, вышедшие ранее в ГДР. Казалось бы, я мог получить это вознаграждение немецкими марками, но

хождение даже такой «деревянной» валюты было запрещено в Стране Советов⁸. За чеки можно было, заняв очередь с рассвета, приобрести импортный дефицит (например, джинсы) в особых привелигированных магазинах «Березка», но в США с этими бумажками, очевидным образом, делать было нечего. Теперь люди, почувствовав вкус к твердой валюте, валом повалили к банку и выстаивали день за днем, записывая чернильными карандашами номер своей очереди на руке. Каким-то чудом мне все же удалось пробиться в банк, и я получил на руки что-то около 200 долларов.

Остров Шеликан и тихоокеанские чайки. В Магадане пришлось задержаться на пару дней, пока Д.И. Берман подыскивал мне проводника и попутчика для поездки в поле. Ехать согласился студент Иркутского университета Алексей Ильичев. Утром 20 июня я приехал на автовокзал не менее чем за полчаса до отхода автобуса, а моего спутника все нет и нет. Хотя я и знал, куда предстоит ехать, казалось весьма сомнительным, что мне удастся попасть на остров собственными силами. Надежда на появление Алексея и на осуществление задуманного таяла на глазах. Появился он буквально за минуту до отхода автобуса, и мы поехали.

Как обычно бывает в подобных случаях, дорога оказалась на деле гораздо более протяженной и утомительной, чем я мог предполагать. Нам предстояло проехать 120 километров прямо на запад, вдоль берега залива Тауйская губа, до поселка Балаганное. Видавший виды автобус и так двигался не слишком быстро, – и вдруг остановка и довольно длительная. Что такое? Ждем парома, который должен переправить нас на другой берег реки Армань. Пока ехали на пароме, я обратил внимание на белую трясогузку, которая то и дело прилетала с кормом в клюве и снова улетала на берег реки. Оказалось, что у нее гнездо с птенцами, свитое под настилом парома.

Проходят еще часа три-четыре неспешной езды, и перед нами снова паромная переправа – теперь через еще более широкую реку Яна. В общем, в Балаганное прибыли уже на склоне дня. Алексей отправился на поиски человека, который должен показать ему место, где стоит лодка и предоставить мотор для нее. Отчалили около семи часов вечера, благо, что в этих высоких широтах

⁸ В 1961 году в СССР по обвинению в незаконных валютных операциях двое граждан были приговорены Верховным судом РСФСР сначала 15 годам тюрьмы, а затем, в связи с *протестом общественности на слишком мягкий приговор*, к расстрелу с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества.

длительность светового дня в середине лета – почти 20 часов. Торопиться все же следовало, но не успели мы отплыть от причала метров на 50, как мотор заглох. Пока мой спутник пытался его реанимировать, я смог хорошо разглядеть тихоокеанскую чайку, спокойно сидевшую на мелководье всего лишь метрах в пятнадцати от лодки и не проявлявшую никаких признаков беспокойства из-за нашего присутствия.

Отсюда хорошо был виден и Шеликан, до него было не более пяти-шести километров. Островок есть не что иное как скалистая вершина подводного хребта, которая возвышается над водой на 70 метров. Крутые скалистые склоны поросли разреженным лесом из кедрового стланика, лиственницы и каменной берёзы. Еще в Магадане нам было сказано, что на самой вершине острова есть маленький дощатый домик, опущенный сюда вертолетом несколько лет назад. Здесь временами находят приют зоологи из магаданского Института биологических проблем Севера, а также рыбаки, посещающие остров в сезон ловли корюшки.

Часть вещей мы решили оставить прямо на берегу, взяв с собой самое необходимое на первый случай. Алексей нашел начало тропы, которая вела к домику. Она шла влево, а там огибала остров, ведя вверх выше и выше, метр за метром. Я же поленился идти этим длинным путем и решил подниматься напрямик по крутому склону. Выложив из рюкзака часть продуктов, надел его и полез вверх. Преодолев метров тридцать, почувствовал, что совершил ошибку. Остановился на узком уступе и только-только успел снять рюкзак, как площадка подо мной обвалилась. Я попытался ухватиться за ветку березы, нависавшую над головой, но не успел, а своим рывком кверху лишь увеличил скорость своего падения.

Лежу на крутом склоне и пытаюсь мысленно оценить размер ущерба. К счастью, очки целы – вот они, рядом со мной, да и травм серьезных, кажется, нет. Смотрю вниз и вижу, что рюкзак лежит наполовину в воде. Когда я спустился к нему, оказалось, что летел он с такой скоростью, что литровая пластиковая бутылка с лимонадом выскочила из узкого бокового кармана и исчезла в волнах Охотского моря. Так я ее и не нашел.

Домик, где нам предстояло жить, встретил нас неприветливо. Окна выбиты какими-то вандалами, и пол сплошь усеян осколками стекла. Начали наводить порядок, и минут через двадцать я почувствовал, что падение со склона не прошло даром. Появилась острая боль внизу живота. «Видно, что-то там оторвалось», – подумал я. Пришлось лечь на расстеленный спальник. «Вам, Евгений Николаевич,

– говорит Алексей, – надо что-то выпить!», имея в виду некое болеутоляющее. Но у нас с собой единственное лекарство от всех болезней – чистейший медицинский спирт.

Его-то я и принял за ужином. Результат, как всегда в подобных случаях, оказался весьма действенным: на следующий день лишь один раз в животе слабо кольнуло, а потом такие симптомы больше меня не тревожили.

В этом домике мы с Алексеем провели четыре счастливых дня наедине с чайками и с величественной природой дальневосточного Севера. В конце июня, как я уже говорил, ночь в этих местах предельно коротка. В три часа уже совершенно светло. Борясь с желанием хоть ещё немного понежиться в тепле спального мешка, я вылезал из него, усаживался на пороге нашей избушки и часами наблюдал за происходящим в колонии тихоокеанских чаек. Ближайшие гнёзда находились всего в каких-нибудь десяти метрах от меня, но птицы совершенно спокойно относились к присутствию двуногих пришельцев из иного мира и как ни в чём ни бывало занимались своими собственными делами.

Жалеть приходилось лишь о том, что нельзя было воспользоваться кинокамерой (о возможностях портативной техники в то время никто из зоологов даже не подозревал). Наблюдения я наговаривал на диктофон и щелкал затвором фотоаппарата с такой скоростью, что последовательности кадров позволили мне в дальнейшем сделать серии рисунков, достаточно полно отражающие специфику сигнального поведения этих чаек. Десятки фонограмм дополняли доскональные сведения об организации у них всех типов социальных взаимодействий.

Мне сразу же стало ясно, что поведение этих птиц существенно отличается от того, что в предыдущем году описал Вася при изучении повадок серебристой чайки на Балтийском море. Поэтому можно было без колебаний отбросить гипотезу, согласно которой тихоокеанская чайка представляет собой подвид серебристой. Ничего общего я не нашел в поведении моих охотских чаек и большой морской. В итоге напрашивался вывод, что тихоокеанская чайка есть, вне всяких сомнений, самостоятельный, «хороший» вид.

Загвоздка состояла лишь в том что, по мнению одного из моих коллег орнитологов, посвятившего годы изучению птиц северо-востока СССР⁹, эти чайки регулярно скрещиваются с другими, относящимися к форме *vegae*. Было сказано,

⁹ Александр Александрович Кищинский (1937–1980). Автор монографий «Птицы Корякского нагорья» (1980) и «Орнитофауна северо-востока Азии» (1988).

что гибридизация имеет место в узкой зоне совместного обитания тех и других далее к северу, в приморских районах Корякского нагорья на Чукотском полуострове.

Из этого следовало, что мне непременно надо будет получить данные по поведению *vegae* во время этой моей экспедиции. Задача казалась осуществимой, поскольку после возвращения в Магадан путь лежал как раз на Чукотку, где эти чайки должны были быть вполне обычными.

Остановка в поселке Провидения. Сегодня я читаю в Интернете, что время полета между Магаданом и этим населенным пунктом составляет всего лишь 2 часа 36 мин. Но в те годы прямого рейса не было. Через два часа после взлета самолет садился в городе Анадырь¹⁰, где приходилось провести ночь. Наутро еще за два часа

вы покрывали тогда 430 километров над Анадырским заливом Берингова моря и приземлялись в аэропорту Бухта Провидения.

Сегодня я читаю в Википедии, что аэропорт и поселок городского типа Провидения, куда я должен был двигаться дальше, расположены на противоположных берегах залива, вдающегося в сушу на 34 километра и шириной 8 километров. Разумеется, спустя 23 года после тех событий я не помню, как оказался в Провидения¹¹, которое с самого начала произвело на меня впечатление Богом забытого места.

В гостинице мне дали ключ от двухместного номера. Войдя в него, я первым делом почувствовал сильный запах дешевого одеколona. Он исходил из койки, на которой мертвецким сном спал чукча. Я позвал дежурную, которая привычным движением извлекла из тумбочки около его кровати около полудюжины пустых флаконов. Я потребовал, чтобы мне предоставили другой номер, но оказалось, что в этой гостинице, единственной в поселке, вакантных мест нет.

По совету ее служащих я обратился в «Дом моряка», где меня поместили в комнату на втором этаже. В ней по обе стены стояли две кровати с панцирными сетками, расстояние между которыми составляло не более метра. К счастью, мне предстояло жить одному в ожидании «американского десанта». Три дня,

¹⁰ До Москвы отсюда 6200 км.

¹¹ Все мои недавние попытки найти в Интернете сведения о том, какой транспорт связывает аэропорт с поселком, не увенчались успехом.

проведенные здесь, вспоминаются как одни из самых отвратительных во всей моей жизни.

Хуже всего было то, что я не мог купить сигареты. Они в 1991 году выдавались только по талонам¹², но если бы они и были привезены мной из Москвы, отоварить их в Провидения, разумеется, не удалось бы ни под каким видом. В результате я примерно раз в три часа делал вылазки из своей берлоги и пытался стрельнуть сигарету прохожих.

Во время этих экскурсий я постоянно видел чаек, пролетающих над поселком и кормящихся вместе с голубями в местах скопления мусора. Я понимал, что это и есть желанные птицы формы *vegae*. Как-то следовало воспользоваться случаем и хотя бы записать их голоса. Но, как мне удалось установить, кричали они, почему-то, в основном по ночам. А короткие ночи на Чукотке в начале июля «белые». В общем, я задумал попытаться осуществить сеанс звукозаписи в это время.

Помню, как часа в два ночи я крадучись спускаюсь по лестнице с диктофоном и выносным микрофоном в руке, прошмыгиваю мимо спящего вахтера, и, стараясь по возможности без шума открыть дверь, выскальзываю на улицу. Чайки кричат, но где-то очень далеко. Побродив по улицам с полчаса, убеждаюсь в том, что дело не выгорит, и возвращаюсь ни с чем в Дом моряка.

Но вот, наконец, коллеги, жившие все это время в гостинице, извещают меня, что утром следующего дня за нами прилетает американский самолет. Слава Богу, конец ужасному прозябанию в Провидения!

Ном и острова Диомиды. Небольшой двухмоторный самолет типа L-410 преодолел 380 километров до Номы, ближайшего города на Аляске примерно за полчаса. От суточного пребывания в этом городе, показавшимся мне довольно провинциальным, в памяти осталось только посещение большого универмага. Здесь я с заметным трудом нашел тот отдел, который был нужен мне. Искал я подарки для двух моих тогда еще маленьких детей. Старшей Соне я купил куклу «Барби» в платье из американского флага, а Коле – ковбойский пояс с двумя кобурами, украшенными чем-то вроде кожаной бахромы. К пистолетам прилагались пачки с пистонами, имитирующими при их использовании громкий звук выстрела.

¹² В условиях острого дефицита сигарет появился новый способ зарабатывать деньги. На рынках вы могли увидеть людей, продающих стеклянные банки с окурками. Покупатель вытряхивал из них остатки табака и набивал ими самокрутки из газетной бумаги.

На следующий день экспедиция погрузилась на научно-исследовательское судно. Всюду внутри него царил стерильная чистота, и если бы тогда нам было известно понятие «евроремонт», то оно как нельзя лучше подходило бы к интерьерам кают и помещений общего пользования.

В тот же день мы подошли к одному из двух островов архипелага Диоида, лежащего посредине Берингова пролива. От места, где судно бросило якорь, до острова было рукой подать, но перед посадкой на моторную лодку всех желающих ехать заставили влезть в не очень удобные ярко красные комбинезоны. Лодка причалила к эскимосскому поселку, все население которого составляло едва ли более пятидесяти человек. Не помню почему, но планировалось провести здесь не менее двух суток.

Этот меньший из двух островов Диоида так и называется – Малый Диоид, а на наших картах значится как остров Крузенштерна. Между ним и Большим Диоидом (остров Ратманова), лежащим менее чем в четырех километрах к западу, проходят границы России и США, часовых поясов, а также международная линия перемены дат.

Поселили нас в школе, контингент учащихся в которой, судя по величине поселка, едва ли мог превосходить два-три десятка детей. При этом все здесь выглядело так, словно учреждение находится в богатом столичном голоде. Пол покрыт ковролином светло бежевых тонов, работает система контроля и автоматического регулирования температуры. Характер писчебумажных принадлежностей, в изобилии разбросанных по столам, и разнообразие учебных пособий высочайшего полиграфического качества, с прекрасными цветными иллюстрациями, сделали бы честь любой московской школе.

Я расстелил спальный мешок на теплом полу у одной из стен и мог теперь, наконец, предаться безмятежному ничегонеделанию после почти трехнедельных переездов по маршруту Москва-Магадан-Анадырь-Провидения-Анкоридж. Короткий отдых в этих идеально комфортных условиях был, бесспорно, более чем заслуженным.

Большой Диоид. Американские участники экспедиции предложили мне выбор: я мог либо остаться в числе тех, кому предстояло жить на судне и участвовать в учетах птиц во время плавания, либо высадиться на острове Большой Диоид и вести орнитологические наблюдения там. Как и трое моих соотечественников (В.А.

Зубакин, Н.Б. Конюхов из Москвы и А.Я. Кондратьев из Магадана) я выбрал второй вариант.

Судно, подошедшее к острову, более двух часов продержали на расстоянии с километр от него, не давая разрешения подойти ближе. Офицер, командовавший местной погранзаставой, никак не мог решиться дать добро на высадку на берег непонятно откуда взявшимся пассажирам корабля под американским флагом. Очевидно, шли бесконечные переговоры по радию с более высоким начальством. После радушного приема, оказанного нам на Малом Диомиде, мы сгорали от стыда и старались не смотреть в глаза нашим зарубежным коллегам.

С моря остров выглядел неприступной крепостью. Сразу за узкой полосой прибрежного пляжа круто поднимались голые скалы, поверх которых тут и там виднелась натянутая колючая проволока. Когда нам, наконец, разрешили высадиться, началась мучительная работа по перетаскиванию вверх нашего багажа, достигавшего довольно внушительных размеров. Основную часть груза пограничники доставили к заставе с помощью своеобразного подъемника на стреле – устройства, который они постоянно использовали для собственных целей. Но часть оборудования, требующего осторожности при транспортировке, мы вынуждены были нести вверх на руках. Идти вверх пришлось по скользкому каменистому подобию тропы, которая на протяжении многих десятилетий выглаживалась подошвами кирзовых сапог. Она причудливо извивалась между валунами разной высоты, то и дело отклоняясь от глубоких провалов, их разделявших. Тропа вела к домику барачного типа, стоявшего на ровной площадке за верхним урезом каменистых обрывов. Немного в стороне от него торчала дощатая будка туалета.

Обосновавшись в предоставленной нам половине дома, приступили к приготовлению ужина. Американцы дали нам бензиновую плиту с двумя комфорками, предоставили запас горючего и несметное количество провизии. Преобладали снабженные яркими этикетками консервные банки, узнать о содержимом которых зачастую удавалось только после их вскрытия.

Когда в первый вечер мы устраивались за столом, кто-то достал из рюкзака бутылку водки, купленную, вероятно, еще в Провидения. Мы, помнится, собирались распить ее сразу по прибытии на Малый Диомид. Но еще до высадки на тот остров американцы жестко предупредили нас, что на нем соблюдается строжайший сухой закон. Так что в тот раз пришлось, скрепя сердце, отказаться

от давней традиции – отметить рюмкой «огненной воды»¹³ долгожданный выезд в поле.

За ужином мы сравнивали судьбы коренного населения на Малом и Большом Диомиде, разделенных расстоянием менее пяти километров. Они оказались, по капризу истории, принадлежащими двум мирам с разным политическим устройством. О жизни эскимосов на том из островов, который принадлежит США, я уже кое-что рассказал выше. А что же происходило на другом, в условиях «коммунистического процветания» всех и каждого? Прежде он был населен эскимосами и носил название Имакльик (по чукотски – Имэлин, что значит «окружённый морем»). До 1905 года здесь в двух поселках жили примерно 400 человек. В последующий период, до 1933 и позже, происходила постепенная добровольная миграция местного населения к востоку, на Малый Диомид. А вскоре после Второй мировой войны все оставшиеся жители были принудительно переселены властями СССР в материковую часть Чукотки. Теперь вид *Homo sapiens* оказался представленным на Большом Диомиде исключительно «зелеными человечками», занятыми «охраной мира во всем мире».

Я очень рассчитывал, что здесь-то удастся получить хороший материал по чайкам *vegae* – ведь остров отстоит всего в 36 километрах от побережья Чукотки, где эти птицы более чем обычны. Но мои ожидания не оправдались – за восемь дней пребывания на острове я только один раз видел чайку, которая, предположительно, могла принадлежать этой форме. Зато я смог познакомиться с другим видом, важным для выполнения проекта, именно, с большой полярной чайкой, именуемой по-другому «бургомистром». Правда, наблюдать этих пернатых я мог только издали, поскольку гнездились они и взаимодействовали друг с другом на вершинах неприступных утесов. К счастью, это не помешало получить хорошую коллекцию записей голосов этих чаек.

В начале июля в этих высоких широтах стоит полярный день. Солнце, клонящееся к горизонту, лишь касается его и снова движется кверху. Соблюдать какой либо общий режим в условиях такой постоянной освещенности практически невозможно. Поэтому когда кто-то из членов нашей группы устраивался в спальном мешке, чтобы выспаться после проведенных наблюдений, другие, перехватив по бутерброду и глотнув чая, отправлялись на экскурсию.

¹³ Так крепкие спиртные напитки именуются у северных народов, и у эскимосов, в частности.

Если меня в первую очередь интересовали чайки, то все прочие участники экспедиции накапливали материал по другим видам птиц, господствовавшим на острове. Ими были несколько видов так называемых чистиковых птиц – кайр, топорков и других. Среди них меня особенно заинтересовали те, которые обитают в Евразии исключительно по побережьям и островам Берингова моря. Это конюга-крошка, большая конюга и белобрюшка. Все они устраивают гнезда в пустотах между камнями на скалистых берегах, где формируют более или менее плотные колонии. Птицы эти довольно необычны с виду, особенно большая конюга. У нее все оперение окрашено в темно серый цвет с голубоватым отливом, а голова украшена, не только у самцов, но и у самок, темным хохлом, изгибающимся вперед и почти касающимся ярко-оранжевого клюва. Всем 22 видам чистиков и трем названным, в частности, свойственно своеобразное поведение – так называемый «биллинг» (от английского bill – клюв). Суть его в том, что члены брачной пары соприкасаются клювами и подолгу трутся ими. Я проводил часы в колониях этих птиц, наблюдая этот необычный для птиц способ тактильной коммуникации.

В определенное время суток («ночью» в период полярного дня) все особи каждого из этих видов почти одновременно снимаются с места и огромной стаей проделывают два-три круга над местом гнездования (так называемая «карусель»), после чего улетают на несколько часов в море на кормежку. В этот момент можно приблизительно, на глаз, оценить численность местных птиц. Я помогал коллегам при проведении ими таких учетов. В итоге мы пришли к выводу, что в районе нашей стоянки гнездились примерно два миллиона конюг-крошек, миллион больших конюг и 45-60 тысяч белобрюшек. Удалось ориентировочно оценить численность еще семи видов морских птиц, в том числе бургомистра.

Близился момент окончания экспедиции. Судно должно было забрать нас с острова и доставить назад в Провидения. Но накануне отъезда начался шторм, и по радиации на погранзаставу пришло сообщение, что капитан при такой погоде не сможет подойти к месту нашего пребывания, где скалы круто обрывались в море. Между тем оставалось лишь около суток дозволенного присутствия судна в водах СССР. А на борту остались наши паспорта и те вещи, которые не были нужны нам в поле, например, подарки для моих детей, купленные в Анкоридже.

Выход из положения виделся единственный. Нам следовало пересечь остров с южной его стороны на северную, где берег относительно пологий. Длина

маршрута составляла немногим менее девяти километров. Но идти надо было со всеми вещами, значительная часть которых американцы выдали нам в займы. Поход этот я вспоминаю с ужасом. Большую часть пути шли по сырой тундре. Мало того, что ноги увязали в мягком грунте чуть ли не по щиколотку, но из земли торчали в беспорядке мокрые валуны самых разных размеров и формы. Местами они располагались так густо, что приходилось то и дело огибать самые высокие по касательной, а по менее крупным – перешагивать с одного на другой, балансируя и поминутно рискуя оступиться. В общем, передвижение чем-то напоминало бег с препятствиями.

К счастью, нам в помощь предоставили несколько солдат, которые несли самую тяжелую поклажу, оставив нам лишь рюкзаки с личными вещами. С благодарностью вспоминаю одного солдатика, который, заметив, что я много старше прочих участников экспедиции¹⁴, почти все время шел рядом со мной. Когда до места назначения оставалось километра три, поверхность тундры стала более сухой и лишенной торчащих валунов, а впереди уже виднелись избушка для пограничных нарядов, дежурящих на этом берегу острова. Тут у меня появилось второе дыхание, и я пришел к строению первым.

Вдали в море вырисовывался силуэт желанного судна. Нас решили напоить чаем, но молодому солдатику никак не удавалось разжечь паяльную лампу. Мне, хорошо знакомому с этим устройством на многолетнем опыте, пришлось провести мастер-час, показав ему, как это делается на сильном ветру. Вскоре, однако, настало время двигаться к берегу. Спуск показался мне ненамного более пологим, чем крутизна кошмарного подъема во время высадки на остров. Мой солдатик снова держался неподалеку от меня. Когда до воды оставалось рукой подать, перед нами открылся пологий склон шириной метров тридцать, покрытый, как мне показалось, гладким подтаявшим снегом. Я предложил моему спутнику не обходить его, двигаясь поверху в направлении судна, а просто съехать вниз на пятой точке. Я сел и поехал, неожиданно для себя сразу же набрав непредвиденную бешеную скорость. Покрытие, как выяснилось, было скорее льдом, чем плотно слежавшимся снегом. Прилетел вниз и резко остановился, упершись с размаху подошвами сапог в валун, лежащий у самой воды. Солдат приземлился рядом и, с тревогой взглянув на меня, спросил, все ли в порядке.

¹⁴ Мне было тогда 55 лет.

Мы пошли по твердому и ровному, наконец, каменистому пляжу, и минут через тридцать я, сердечно распрощавшись с моим опекуном, был уже на борту судна. В Провидения мы первым делом направились в столовую и, уплетая гречневую кашу с мясом, дивились, насколько эта простая еда ближе нам, чем все эти консервированные американские разносолы.

Остановка в Анадыре. На обратном пути нас снова ожидала пересадка с одного самолета на другой в аэропорту этого города. Мы прибыли туда днем, а вылетать должны были только следующим утром. В зале ожидания я, к своему удивлению, увидел Д.И. Бермана, у которого останавливался с месяц назад в Магадане. Я возвращался домой, а он направлялся на полевые работы на Чукотку. Поговорить было о чем, и мы решили прогуляться в окрестностях аэропорта.

Тут меня ожидал приятный сюрприз. Вокруг строений на свалках мусора в изобилии держались чайки *vegae*, которых мне так и не удалось толком увидеть ни в Провидения, ни на Большом Диомиде. Птицы прилетали и улетали небольшими группами и то и дело конфликтовали друг с другом. При этом они принимали характерные позы, сопровождаемые интенсивной вокализацией.

Орнитологи, которые занимаются сравнительным анализом сигнального поведения и систематикой чаек, особо важное значение придают акции, именуемой «демонстрация долгий крик¹⁵». Считается, что это своего рода этологическая визитная карточка данного вида, четко отличающая его от прочих родственных ему форм. Птица проделывает вполне определенную последовательность телодвижений, и каждое из них сопровождается тем или иным звуком. Все они складываются в сложную, стереотипную каденцию, по характеру которой специалист по чайкам определяет видовую принадлежность исполнителя такого сигнала.

В этом отношении показателен следующий эпизод. Изучая хохотуний, я заметил, что им свойственно во время этой акции поднимать крылья вертикально вверх. Европейские коллеги постоянно спрашивали меня, почему никто из них не видел этого, наблюдая за чайками на Средиземном море. Долгое время считали, что их тоже следует считать хохотуньями, так почему же они лишены этих телодвижений? Ответ пришел позже, когда генетическими методами было установлено, что средиземноморские чайки (*michahelis* и *atlantis*) не только не

¹⁵ С легкой руки знаменитого этолога Нико Тинбергена, который одним из певых начал изучать в деталях поведение чаек и назвал эту акцию Long Call (буквально, долгий крик).

принадлежат форме *cachinnans* (хохотунья), но даже не состоят с ней в близком эволюционном родстве.

Долгий крик входит в репертуар поз и звуков, воспроизводимых, в частности, во время конфликтов с участием двух или нескольких птиц. Теперь я оказался свидетелем таких угрожающих демонстраций у чаек формы *vegae*, то есть поведения, никем ранее не описанного. Как только мне предоставили номер в гостинице, где предстояло провести ночь, я тотчас же достал полевой блокнот и зарисовал по памяти позы чаек, увиденные во время прогулки в окрестностях аэропорта.

Но эти рисунки значили бы не столь уж много, если бы в моем распоряжении не было записей звуков, входящих в комплекс целостной демонстрации долгий крик. Время клонилось к вечеру, и чайки начинали кричать все чаще, как это было и во время моего пребывания в Провидения. На мое счастье, некоторые из них садились на асфальт прямо перед окном моего номера. Я швырнул им кусок хлеба. Несколько птиц бросились к угощению, стали оспаривать его друг от друга и кричать в полный голос. Я включил диктофон и сразу же получил несколько желанных записей.

Но тут дело повернулось к худшему. Во-первых, у меня вскоре кончилась приманка. Во-вторых, начал барахлить диктофон. Видно, все шло к тому, что вот-вот сядут батарейки. Я вынул их, покатал по полу, надавливая что есть силы подошвой сапога, и они на время были реанимированы. Увлеченный представившейся мне редкой возможностью, я не заметил, как время подошло к полуночи. Надо было сделать еще хотя бы несколько записей, и я отправился бродить по спящей гостинице в надежде найти что-нибудь съестное, чтобы вызвать очередной всплеск активности у птиц, теперь уже дежуривших под моим окном в ожидании подачи.

И вот, о счастье, на ступеньке лестницы вижу кусок жареной курицы. Хватаю его, бегу в номер, включаю диктофон и бросаю свою находку в окно. И что же? К ней кидается одна из чаек, молча хватая подачку и, не дожидаясь реакции остальных, улетает прочь. А диктофон так и не включился. Уговариваю себя – ведь несколько записей все же удалось сделать – и с сознанием выполненного долга заваливаюсь спать.

Серебристая чайка и хохотунья: «виды или подвиды?» В 1994 году наша лаборатория подала заявку в американский Фонд Сороса на грант, темой которого был назван проект по всестороннему изучению чаек СССР для проверки весомости гипотезы кольцевых ареалов. Сведения, которыми мы уже располагали к тому времени, позволили нам подчеркнуть в заявке спорность этих теоретических построений и несоответствие их ряду выявленных нами фактов. Одним из экспертов, оценивавших перспективность нашего проекта, оказался сам Эрнст Майр, один из авторов гипотезы. И хотя наши идеи входили в явное противоречие с его собственными, он дал положительное заключение. В итоге мы выиграли конкурс¹⁶ и могли в течении двух лет располагать суммой в 25 тысяч американских долларов.

Теперь стало возможным оснастить лабораторию современным оборудованием. Вместо доморощенного *советского* компьютера, который Васе удавалось заставить работать, лишь вызывая мастера трижды в неделю, мы приобрели машину, произведенную корпорацией Microsoft. В лаборатории появились сканер и принтер, и теперь можно было изготавливать иллюстрации к статьям, пользуясь не только умением сотрудников рисовать на бумаге. Наш коллектив был далеко не единственным в этом отношении. Именно усилиями Фонда Джорджа Сороса в Академии наук РФ был сделан тогда первый шаг в направлении реальной технической революции. Все это стало возможным только благодаря недавно произошедшей Перестройке¹⁷.

Начать работу мы решили с того, чтобы детально разобраться с теми формами чаек, которые обитают в Европейской части России. Исходили мы чисто практических соображений: их изучение не требовало проведения столь дальних экспедиций, какой оказалась моя поездка на острова Берингова моря. Такие поездки мы отложили пока на более дальние сроки.

Как следует из предыдущих глав, мы располагали весьма существенным запасом сведений об одной из этих чаек, именно, о хохотунье. Ее, как и большинство прочих белоголовых чаек, населявших огромные пространства бывшего СССР, (от Карелии на западе до Чукотки на востоке и от побережий Северного Ледовитого океана до южных морей – Черного и Каспийского и озера

¹⁶ Проект № 2.2.148.1 по тематике «Биологическое разнообразие».

Байкал) было принято тогда считать подвидами одного вида – так называемой «чайки серебристой».

Ареал той формы, по имени которой был назван весь этот комплекс «подвидов», занимает северо-восток Европы (в частности, Скандинавию) и, соответственно, примыкающий к этому региону участок северо-запада России. Здесь, на острове Ремиссар в Финском заливе Балтийского моря Вася Грабовский и Андрей Фильчагов еще до всех описываемых событий собрали хороший материал по поведению и вокализации тамошней серебристой чайки. Я сравнил полученные ими сведения с известными мне в этом плане о хохотунье. Вывод, который напрашивался и ранее, был ясен: эти две формы различаются не только тонкими деталями окраски оперения и цветом ног и клюва, но также характером телодвижений и голосом во время демонстрации долгий крик.

Рассматривая карты с изображением ареалов серебристой чайки и хохотуньи, можно было видеть, что в Европейской России первая занимает узкую полосу тундр и побережья Баренцова моря, распространяясь на юг не далее берегов и островов моря Балтийского. А область распространения хохотуньи ограничивалась тогда ближайшими окрестностями наших южных морей – Черного и Каспийского. Таким образом, ареалы этих двух форм выглядели разделенными обширными пространствами шириной по меридиану не менее 2500 километров.

На этих обширных территориях большие белоголовые чайки также гнездятся местами – на болотах и озерах, хотя и не в таких количествах как, скажем, на острове Огурчинский в Каспийском море. Там, как я упоминал ранее, на площади порядка 150 км² ежегодно гнездились около 20 тысяч пар хохотуний. Возникал вопрос, к какой именно форме относятся все те чайки, которые формируют сравнительно небольшие колонии на пространствах, разделяющих ареалы серебристой чайки и хохотуньи.

Если немногие орнитологи задавались этим вопросом до нас, то при попытках получить ответ на него были ограничены возможностью использовать в своих исследованиях только такие признаки, как размерные характеристики птиц и особенности их окраски. Наше преимущество перед ними состояло в том, что мы, приступая к работе, располагали уже сведениями, позволявшими различать серебристую чайки и хохотунью по голосу и по манере поведения. Кроме того, мы решили прибегнуть и к сравнительному генетическому анализу.

Эта последняя задача могла быть выполнена при условии, что в каждой колонии, где нам предстояло работать, будет необходимо поймать как можно больше чаек для взятия у них проб крови. Число отловленных птиц должно было быть таким, чтобы удовлетворять минимальным требованиям, которые предъявляют к материалу методы статистической обработки.

Помню одну из первых наших неудач на этом поприще. Лариса, Дима Монзиков и я провели несколько дней, ютясь в крошечной комнатухе проходной будки одного из рыбзаводов Вологодской области. На его территории кормились остатками производства какие-то крупные чайки, интересовавшие нас, и другие, более мелкие, относящиеся к виду сизая чайка. Все наши попытки поймать нужных нам птиц не привели к успеху, хотя несколько сизых чаек, менее осторожных, угодили-таки в расставленные нами сети.

Стало очевидным, что успешно ловить чаек мы сможем только в гнездовых колониях, где каждая птица привязана к определенному, постоянному месту пребывания, именно, к своему гнезду. Методика отлова в таких условиях состоит в следующем. На край гнезда, в отсутствие его хозяев, кладется приманка снабженная определенной дозой снотворного. В кусочек рыбы помещается вещество под названием α -хлоралоза. Количество его должно быть достаточно строго выверено: примерно 30 мг на птицу массой от 800 до 1500 г. Если чайка, проглотившая приманку, окажется слишком увесистой, снотворное может не подействовать. А недостаточно упитанной грозит опасность не проснуться после ее осмотра нами, измерения, взятия крови и фотографирования на цветную пленку.

Для самой чайки оптимальной оказывается ситуация, при которой она, съев приманку, отдает еще себе смутный отчет в происходящем: видит подходящего к ней человека и опасается его приближения, но не имеет сил улететь. Такие птицы довольно быстро возвращаются к состоянию активности и к нормальной жизнедеятельности. Но для ловца это далеко не лучший вариант: приходится очень медленно, крадучись, подходить к чайке, сидящей на краю гнезда, и в последний момент падать на добычу, вытянув вперед руки, удерживающие что-нибудь, чем удобно накрыть птицу (например, телогрейку). Поведение орнитолога при этом выглядит со стороны в высшей степени забавным. В моем архиве есть несколько видеозаписей этого финального момента отлова чаек Димой Монзиковым.

Он отрабатывал всю эту непростую методику на протяжении двух полевых сезонов в колонии чаек, добраться до которой из Москвы можно было без особых

затруднений. О ее существовании мы узнали из литературы. Располагалась она в Нижегородской области, неподалеку от деревни Ситники, в которой Дима мог коротать ночи после дневных наблюдений. Чайки гнездились там на месте оставленных торфоразработок, которые позже превратились в водоем площадью около 15 га с разбросанными по нему сплавинами. Первые три пары чаек загнездились здесь за десять лет до начала нашего исследования, а теперь колония состояла уже из пары сотен особей.

Судя по расположению колонии относительно основных ареалов серебристой чайки и хохотуньи, примерно на 250-300 километров ближе к первому, мы первоначально рассчитывали увидеть здесь в основном чаек первой из этих форм. Однако картина неожиданно оказалась совершенно иной. Анализ окраски 27 отловленных чаек и результаты наблюдений за 130 парами показали, что большинство птиц выглядят промежуточными между обеими формами, да еще и с преобладанием признаков хохотуньи. Что касается акустических характеристик криков, издаваемых местными чайками во время демонстрации долгий крик, то здесь можно было слышать как размеренные мелодичные пассажи серебристой чайки, так и своеобразный истерический «хохот» южной формы.

Не менее неожиданным оказалось то, что помимо птиц со светло-серой окраской спины, разные оттенки которой характерны для серебристой чайки и хохотуньи, в колонии присутствовали в небольших количествах особи с темно-серой и даже с почти черной мантией. Первые были похожи на западносибирских чаек формы *heuglini*, чей ареал локализован много севернее Нижегородской области, в Большеземельской тундре (в частности, в окрестностях Архангельска, более 900 км к северу). Вторые выглядели как представители отдельного вида под названием клуша (*Larus fuscus*), распространенного в Прибалтике и далее к западу, на севере Европы.

Все это заставляло прийти к выводу, что перед нами локальная гибридная популяция, возникшая на пространстве, где навстречу друг другу расселялись серебристые чайки с севера и хохотуньи – с юга. К тому же здесь очевидным образом должна была иметь место примесь генов еще двух северных форм. Последнее предположение подтверждалось тем обстоятельством, что в 18 из 130 пар присутствовали в качестве половых партнеров чайки как серые, так и в той или иной степени черноватые. Более того, среднее число яиц в кладках таких пар

оказалось достоверно большим, чем у тех, в которых оба партнера выглядели «серыми».

Теперь, чтобы проверить, насколько справедливо наше предположение о реальности гибридизации, идущей на всем протяжении разрыва между ареалами серебристой чайки и хохотуньи, нам следовало изучить еще несколько колоний на этом пространстве. Среди них обязательно должна была быть хотя бы одна, находящаяся в ареале генетически чистой серебристой чайки. Это позволило бы выявить отличия ее генотипа от уже имевшихся у нас его оценок у хохотуньи, а затем оценить генетическими методами уровень смешанной наследственности в колониях, локализованных между основными ареалами этих двух форм.

Мы запланировали изучить еще одну колонию в этих регионах, но далее к северу, ближе ареалу серебристой чайки, а затем еще две, уже внутри него самого. То есть, решено было использовать метод пошаговых исследований на трансекте, описанный выше в главе 6, где речь шла об изучении гибридных зон у черных каменок и сорокопутов. В качестве первой из этих трех колоний мы наметили на располагавшуюся в Рыбинском водохранилище, в 450 километрах к северо-западу от той, которую мы уже исследовали в Нижегородской области. Что касается самой северной, то здесь наш выбор пал на популяцию серебристых чаек на Айновых островах в Баренцовом море, примерно в двух тысячах километрах к северо-северо-западу от деревни Ситники.

В такого рода исследованиях самое, пожалуй, трудное – это добраться до места, намеченного для проведения самих полевых работ. Обычно приходится ехать «на перекладных», пересаживаясь с поезда на поезд, затем на автобус, и т.д. А оказавшись уже совсем близко к цели, попадаешь в полную зависимость от кого-нибудь, кто соглашается отвезти в нужное тебе место на моторной лодке, но лишь если у него появится свободное время.

Бывает, что его-то не оказывается вообще, или же в последний момент мотор выходит из строя. Именно это произошло, когда мы с Димой, приехав на базу Кандалакшского заповедника на побережье Белого моря, пытались попасть на остров, лежащий всего лишь в двух-трех километрах от берега. Мой низкий поклон Александру Сергеевичу Корякину, в то время заместителю директора заповедника по научной работе, который согласился отвезти нас туда на весельной лодке, выполняя роль гребца на пару с Димой.

С благодарностью вспоминаю также Андрея Вячеславовича Кузнецова, ныне директора Дарвиновского заповедника. Он без малейших проволочек согласился отвезти нас с Димой на остров в центре Рыбинского водохранилища. Чтобы мы смогли выполнить задуманное, он оставался с нами на протяжении нескольких дней, повторяя все время, что нет никакой спешки с возвращением на базу.

Рыбинское водохранилище. Эта поездка запомнилась тем, что, вопреки обыкновению, основные трудности ожидали нас не в пути, а как раз там, где надо было ловить чаек. Именно на том большом плавучем острове, куда после примерно за двух часов хода на моторке доставил нас А.В. Кузнецов.

В период создания водохранилища (годы с 1935 до 1947) из хозяйственного оборота была изъята восьмая часть ярославской земли, в том числе 80 тысяч га лучших в Поволжье пойменных заливных лугов, более 70 тыс. га пашни, возделываемой до того веками, свыше 30 тыс. га высокопродуктивных пастбищ и 3645 км² грибных и ягодных лесов. Жителей 663 затопленных селений и города Мологи (всего 130 000 человек) насильственно переселили на новые места¹⁸. Такой ценой России обошлась идея руководства СССР иметь на его территории «самое большое в мире» искусственное озеро.

При наполнении водохранилища были затоплены обширные площади болот. Торф, оказавшись под водой, разлагается без доступа воздуха, выделяя метан. Он очень легкий. Скапливаясь под торфяной залежью, этот чрезвычайно легкий газ увеличивает плавучесть торфяного слоя и, оторвав его от материнской породы, поднимает на поверхность воды. Со временем на эту безжизненную поверхность ветер заносит семена разнотравья. Корневая система растений скрепляет

¹⁸ Вот как это происходило: «Начавшееся весной 1937 года насильственное переселение горожан растянулось на несколько лет. К чему была такая спешка, если полное заполнение водохранилища планировалось лишь через 10 лет? Сохранились письма мологжан, которые просили «не выселять под зиму, разрешить дожить на старом месте до весны». В городе взрывали каменные дома и храмы. Построенные на добрые века церкви поддавались тотальному разрушению далеко не с первого раза. Переселение переложили на плечи жителей, никто не собирался оказывать даже минимальной поддержки. Властью было решено добротные дома перевозить на новые места, а ветхие попросту уничтожать (их владельцам выплачивалась какая-то смехотворная компенсация). Народ побогаче нанимал подводы, прочие же люди самостоятельно разбирали свои дома, сколачивали из них плоты, и со всеми вещами плыли по Волге к новым местам жительства. Стоит ли говорить, что такие самодельные «суда» были ненадежны, переворачивались, вещи уходили под воду, люди промокали и простужались. А ведь на новом месте еще предстояло возводить из мокрого стройматериала жилища. Страшно все это. Еще страшнее представить, что все это допустила «любимая страна», тот самый «нерушимый Союз», где «все для народа». Интересно, помнили ли об этом власти, хотели ли знать о реальных проблемах людей? И они еще искренне удивлялись, что жители противились переселению. Просто насильно сгоняли с обжитых мест, где крепкое хозяйство и налаженная жизнь, где любимые места и могилы родных. Да, водохранилище наполнили, ГЭС построили, но и судьбы людей жестоко, бесчеловечно сломали...» (http://www.tourister.ru/responses/id_2040).

поверхность торфа. С годами на торфяных сплавинах появляются кустарники, а позже начинают расти и хилые березовые рощи.

Вот на таком острове нам и предстояло работать. Он весь был изрезан протоками, хаотически пересекавшимися друг с другом. Хождение пешком по заросшим травой сплавинам между участками открытой воды представляло реальную опасность: каждый момент вы рисковали провалиться в трясину. Идти по такому «сухому» месту можно было, лишь постоянно ощупывая надежность грунта длинной палкой. По протокам мы перемещались на резиновой лодке, которую в те годы всегда возили с собой. При этом следовало все время следить за тем, чтобы она не напоролась днищем на обломки плавника, острые концы которого обычно были скрыты под водой. При поисках гнезд чаек, которые они устраивали по берегам проток, то и дело приходилось перетаскивать тяжелую лодку с одной сплавины на другую через очередную преграду в виде узкой полоски коварной суши.

Основные невзгоды выпали на долю Димы, в задачу которого входили поиск гнезд, раскладывание около них приманки со снотворным и периодические возвращения на прежние места для отлова птиц. Попутно он измерял яйца в тех гнездах, где еще не успели вылупиться птенцы. Неудивительно, что при той затрате физических сил, которую требовали описанные экскурсии, ему за четыре дня удалось поймать всего лишь семь птиц, среди которых, к нашему огорчению, не было ни одного самца.

Я же находился в гораздо более выгодном положении: мог выбрать сухое безопасное место и часами сидеть там с диктофоном, наблюдая за поведением чаек и записывая на пленку их голоса.

В итоге оказалось, что местные чайки имеют гораздо больше общего с хохотуньей, чем с серебристой чайкой. Этот результат опять же не укладывался в привычные схемы. Ведь Рыбинское водохранилище существенно удалено от основного ареала первой из этих форм и располагается много ближе к области распространения второй.

Через Кандалакшу и Мурманск на Айновы острова. Эта экспедиция стала наиболее затратной по сумме времени, затраченного на то, чтобы добраться до места работы. Ехали мы втроем – к нам с Димой присоединился ленинградский орнитолог Валерий Анатольевич Бузун, до того много лет изучавший систематику чаек.

Первым делом нам следовало согласовать возможность посещения Айновых островов с руководством Кандалакшского заповедника, в чьем ведении находилась эта территория. Затем ехать в Мурманск и получить там разрешение работать на островах от местных пограничников. Только после этого мы могли купить билеты до поселка Лиинахамари, откуда до цели оставалось всего лишь 25 километров морем.

Если бы не было необходимости останавливаться в Кандалакше, то мы смогли бы доехать до Мурманска поездом за 38 часов, а оттуда до Лиинахамари, с пересадкой в Печенге, еще часов за пять. Но в каждом из этих перевалочных пунктов приходилось тратить немало времени на высадку с нашим нелегким грузом, на покупку билетов до следующего места назначения, и так далее. Быстрее всего мы отделались в Кандалакше. Правда, там, в управлении заповедником, нас огорошили предположением, что орнитологи, проводящие полевой сезон на островах, едва ли будут рады нашему появлению, поскольку увидят в нас своих конкурентов. Эта весть, разумеется, отчасти подпортила нам настроение, но мы решили, что не стоит особенно огорчаться заранее. Мол, деваться нам все равно некуда.

Но самое худшее началось в Мурманске. Первоначально нам категорически отказали в возможности попасть на Айновы острова, располагающиеся почти на линии морской границы с Норвегией. Каждый из трех дней пребывания в этом городе мы часами оббивали пороги множества служебных кабинетов, оказываясь каждый раз просителями на ковре у все более высокого начальства. К каким только доводам мы не прибегали в попытках убедить офицеров и генералов в том, что мы, посетив на неделю два крошечных острова в Баренцовом море, не удерем за границу и уж, конечно, не нанесем ущерба обороноспособности нашей великой родины. Я говорил им даже о том, что мой отец, писатель Н.Н. Панов во время Великой отечественно войны работал военным журналистом как раз в этих местах, на Северном флоте, и написал несколько книг о происходившем здесь в то время. Когда мы, истратив уйму денег на проживание втроем в гостинице, почти потеряли надежду получить эти злосчастные пропуска, начальство погрануправления неожиданно сменило гнев на милость, и бумажки с гербовыми печатями оказались у нас в руках.

Позже стало ясно, что причина такого стойкого нежелания пограничников дать нам зеленую улицу таилась не в значимости островов как таковых, а в

совершенно особом статусе поселка Лиинахамари, через который должен был пройти наш маршрут. Как можно прочесть в Интернете, «В послевоенные годы в Лиинахамари были размещены база 42-й бригады подводных лодок, дивизион малых ракетных кораблей, 15-я бригада охраны водного района, состоящая из сторожевых кораблей (СКР 50-го проекта), кораблей воздушного наблюдения и тральщиков Северного флота. Также располагалась одна из крупнейших торпедно-технических баз Северного флота».

Правда, когда мы, наконец, все же оказались в Лиинахамари и увидели стоящие вдоль причала многочисленные подводные лодки, по их состоянию трудно было предположить, что порт действительно имеет важное стратегическое значение. Это были насквозь проржавевшие посудины, обилие которых наводило на мысль, что единственная насущная проблема состоит в том, где взять достаточно денег, чтобы разрезать их на металлолом.

Поселок представлял собой единственную улицу километра в полтора длиной, идущую у подножия сопки почти вплотную к береговой линии. На воде, помимо подводных лодок, выстроились суда самых разных конструкций, начиная с моторных лодок и кончая всевозможными катерами. «Гостиница», на которую нам указали прохожие, состояла из одной комнаты, за совместное проживание в которой с каждого из нас запросили по 5000 рублей в сутки. На следующий день стало ясно, что выбраться отсюда на острова будет совсем не просто.

Никто не хотел везти нас на катере или моторке. Их владельцы объясняли это свое нежелание в основном коварной штормовой погодой. Перебились в гостинице еще сутки и выложили приветливой ее хозяйке очередные 15 тысяч рублей. Наутро я решил идти на поклон к военным морякам. Офицер из числа высшего начальства, к которому я попал на прием, выслушав мой отчет обо всех наших невзгодах на пути сюда и о том, что проживание в гостинице слишком дорого для простых советских ученых, предложил, после длительного раздумья, поселить нас временно на корабле.

Отвести нас туда было поручено матросу. И вот перед нами внушительное военное судно, видимо, один из тех «СКР 50-го проекта», о которых я упомянул выше. Капитан, вникнув в наше положение, предоставил нам свою каюту. Он сказал, что когда кончится шторм, корабль (не «судно!», как настойчиво подчеркивал наш гостеприимный хозяин), пойдет в нужном нам направлении и подбросит нас на острова.

На этом корабле длиной около 100 метров при ширине около десяти, водоизмещением около 1200 тонн, мы прожили, как помнится, еще двое суток. Днем ходили в сопки по грибы и прямо в каюте варили из них суп в походном котелке с помощью кипятильника. Я и Дима спали на койках, а Валерий мог расстелить свой спальный мешок на полу лишь после того, как двое других занимали свои спальные места: «В тесноте, да не в обиде».

Корабль был пришвартован у причала, который представлял собой дощатый помост длиной метров в 70 и шириной не менее десяти. На него то и дело садились чайки, ради которых мы претерпевали все эти трудности. Валерий предложил попробовать ловить их петлями. И вот мы втроем, возимся на причале, прибывая молотком к доскам петли из лески маленькими гвоздиками. Почти весь рядовой состав экипажа корабля, не менее полутора десятков молоденьких матросов, с изумлением наблюдают за этой нашей деятельностью.

Нельзя сказать, что мы чувствовали себя уютно под этими взглядами, ибо прекрасно осознавали всю нелепость ситуации с точки зрения стороннего наблюдателя. Но мы были полностью реабилитированы, когда на второй день одна чайка все же попала в петлю. Когда кто-то из нас выскочил, ликуя, на причал и нес добычу на палубу, те же самые матросики окружили его толпой и норовили увидеть чайку вблизи. Так мы подтвердили в их глазах наш профессионализм знатоков мира пернатых.

Утром третьего дня пребывания на корабле нас ожидало весьма неприятное известие. Капитан сказал, что предстоящий маршрут изменен свыше, так что нам следует собирать свои пожитки и как можно скорее покинуть наше прибежище. Единственной перспективой было высаживаться на причал и здесь, под открытым небом, при температуре не выше 10⁰С, ожидать более благоприятного стечения обстоятельств. Я в панике снова бросился к высшему начальству и стал умолять их придумать какой-нибудь более благоприятный для нас выход из положения. Начались бесконечные переговоры по рации. В итоге было решено, что мы идем на нашем корабле по новому маршруту, а где-то на середине пути к нему подойдет другой такой же и отвезет нас на острова.

Часа через полтора хода наш корабль бросил якорь в открытом море, и мы еще около двух часов, сидя в кубрике, напряженно ждали, когда же подойдет второй. И вот он пришвартовывается, корма к корме. На фоне мрачного темно-серого неба над обоими капитанскими мостиками медленно вращаются

решетчатые антенны радиолокаторов, внизу – свинцового цвета волны с белым гребешками. Наконец перебрасывают трап. И три зоолога в выцветших штормовках, с рюкзаками, которые в этой обстановке выглядят уже далеко не столь внушительными по объему, как казалось прежде, перебираются, балансируя на этом раскачивающемся мостике, с одного плавучего железного монстра на другой.

Вскоре показались Айновы острова. В этот момент впервые за все эти дни проглянуло солнце. Когда нас на катере подбросили к берегу, его гладкие, обкатанный водой пологие гранитные уступы заиграли разными оттенками розового и зеленоватого цветов. При нашем появлении несколько больших морских чаек взлетели с прибрежных валунов и тут же уселись неподалеку у лужиц морской воды, сверкающих бликами в углублениях каменистой породы. Мне оставалось лишь пожалеть, что вся фотоаппаратура плотно упакована глубоко в недрах рюкзака.

Вообще говоря, сейчас было не до фотографирования местных красот. Мы помнили предупреждение работников заповедника в Кандалакше, что встретить нас могут совсем не радостно. Я достал свою визитную карточку, где было указано, что я состою заведующим Лаборатории сравнительной этологии такого-то академического института, положил ее в нагрудный карман, и мы направились к бревенчатому домику, стоявшему метрах в ста от берега.

Все наши опасения оказались напрасными. Прием, оказанный нам, был не просто радушным. Застигнутые врасплох обитатели «Кордона Айнов» (как гласила табличка на стене домика) – Иветта Павловна Татаринкова и Рюрик Григорьевич Чемякин приветствовали нас не просто радушно, но как самых дорогих гостей и коллег. Они были приятно удивлены тем, что нам удалось добраться до острова в сезон, когда сообщение его с материком обычно прерывается практически полностью.

Перед тем, как сесть за стол и отпраздновать наше прибытие, мы посетовали, что в предотъездной суматохе не успели купить в Лиинахамари свежего хлеба, чтобы порадовать им островных отшельников. Но они успокоили нас, сказав, что, ежегодно отбывая на острова на несколько летних месяцев, научились сохранять хлеб надолго в идеальном состоянии. Просто обтирают поверхность буханок чистым спиртом.

Я намеревался выставить на стол литровую бутылку хорошей водки, купленную заранее специально для этого случая. Но в рюкзаке ее не оказалось, так же как и непечатой пачки сахара. Их утащили у нас матросы, вероятно, еще на первом корабле, когда правильно рассчитали, что там мы этих продуктов уже не хватимся. Впрочем, я подумал, что и осуждать-то особенно этих пацанов за кражу не приходится. Кормили их отвратительно. Как-то раз мы приняли приглашение отобедать в корабельной столовой вместе с командой корабля. Подали ячневую кашу, сдобренную чем-то, напоминающим по запаху машинное масло. После этого столовую мы больше не посещали. А морячки хорошо помогли мне снизить количество выкуренных сигарет – они ловили меня при каждом моем выходе на палубу, подходя с просьбой дать закурить.

С нашими гостеприимными хозяевами мы засиделись далеко за полночь, живо обсуждая всевозможные орнитологические проблемы. Множество полезных сведений мы получили от Иветты Павловны, которая много лет занималась изучением местных серебристых чаек. Под конец ужина она преподнесла мне отпечаток своей статьи «Морфология чаек Айновых островов (вес и экстерьерная характеристика гнездящейся части популяции *Larus marinus* L. и *L. argentatus* Pontopp.)», опубликованную в сборнике Трудов Кандалакшского заповедника.

На следующий день я встал поздно. Хотелось выспаться после всех этих дорожных передрыг. Я не мог тогда и предположить, что пробыть на островах, до которых мы добирались почти две недели, нам суждено всего лишь полтора дня. Дело в том, что в Лиинахамари я договорился с владельцем рыболовецкого бота о том, что он заберет нас с островов примерно через неделю. Но он объявился через день после нашего прибытия сюда в основном в своих собственных интересах –ловить обильную здесь треску. Этот человек поставил вопрос ребром. Или мы уезжаем с ним сейчас, или остаемся на островах на неопределенное время, учитывая то обстоятельство, что синоптики предвещают длительную штормовую погоду. Скрепя сердце, пришлось согласиться на срочный отъезд.

Благо, Дима, как всегда, оказался на высоте, обеспечив плацдарм для неожиданного отступления. Пока я бродил по острову, фотографируя куликов, которые были представлены здесь множеством видов, он успел поймать-таки девять чаек и взять у них пробы крови. Так что основная задача этой поездки, проходившей в столь чудовищно неблагоприятных условиях, оказалась все же выполненной.

До чего же жаль было уезжать столь внезапно из этого «полярного оазиса», как часто называют Айновы острова! Тот из двух, Большой Айнов, на котором пришлось побывать, поражал обилием пышной травянистой растительности, что выглядело странно и неожиданно в Заполярье, на клочке суши, окруженном холодными свинцовыми водами Баренцова моря. Само название этих мест, в переводе с финно-угорского обозначает, как полагают, «Сенные острова». Считают, что здесь располагались сенокосные угодья саамов, которые они сдавали в аренду русским новопоселенцам, а затем – Печенгскому монастырю. Причина такого богатства растительности в том, что эти острова, в отличие от многих других в Баренцевом море, находятся в зоне влияния влияния Нордкапской ветви теплого течения Гольфстрим. Те полтора дня, что мы пробыли здесь, оставили столь сильное впечатление своеобразным великолепием местной дикой природы и птичьего населения, в частности, что я на протяжении нескольких последующих лет мечтал провести здесь хотя бы одно лето целиком.

Но пока что мы с неохотой грузимся на рыбацкий бот и, при волнении моря явно уже усиливающимся, под накрапывающим дождем идем около двух часов назад в Лиинахамари. Там, пока добрались от причала до гостиницы, вымокли до нитки. Не помню уж, откуда исходило в этом нашем прежнем пристанище живительное тепло – то ли от печки, то ли от электрообогревателя, но ощущение домашнего уюта гармонировало с сознанием выполненного долга и с облегчением, что все тяготы дальней дороги в неизвестное уже позади. На следующий день мы сели в автобус и отправились в Мурманск, теперь уже в направлении к дому.

Итогом всех описанных поездок стала бесспорная наша уверенность в том, что в Европейской России северные популяции чаек в ареале серебристой и южные, относимые к форме хохотунья, связаны друг с другом потоком генетической информации. Поток генов идет в обе стороны через мелкие локальные поселения птиц со смешанной (гибридной) наследственностью. Эти результаты уже сами по себе наносили серьезный удар по гипотезе кольцевых ареалов, ради проверки справедливости которой были предприняты эти несколько экспедиций. Теперь нам предстояло выяснить, как обстоит дело далее к востоку, где ареалы северных и южных форм чаек также разделены многими сотнями километров.

Озеро Чаны. Нам было хорошо известно, что на юге Западной Сибири обитает так называемая барабинская чайка¹⁹, которая отличается от хохотуньи более темным цветом

¹⁹ По названию Барабинская степь.

оперения мантии. Орнитологи высказывали разные мнения о причине этих различий, но никто из них не дал себе труда предпринять специальные исследования для прояснения этого вопроса. Стало ясно, именно на него нам следует ответить, изучив этих птиц не по музейным коллекциям, как кое-кто пытался сделать ранее, но увидев их воочию.

В этой экспедиции, предпринятой мной и Димой поздним летом того же 1997 года, я намеревался убить сразу двух зайцев. Раз уж предстояло посещение Западной Сибири, имело смысл вернуться заодно и к вопросу о взаимоотношениях обыкновенных и белошапочных овсянок. Интересно было узнать, произошли ли какие-то изменения в состоянии их популяций в окрестностях Новосибирского Академгородка за те 34 года, которые миновали с тех пор, когда я только приступил к изучению гибридизации между этими двумя видами как раз в этом месте.

Из новосибирского аэропорта Толмачево мы ранним утром приехали в Академгородок к Валерию Пальчикову. О встрече было договорено заранее, и на столе в уютной кухне его квартиры нас ожидали скромный завтрак и неизменная в таких обстоятельствах запотевшая поллитровка. В тот же день нас отвезли в загородный домик, где жена Валерия, Люся Досаева возделывала довольно большой, любовно ухоженный ею огород. Здесь мы провели несколько дней, отлавливая овсянок в чудесных березовых лесах, окружающих дачный поселок. Но об этом речь пойдет далее.

Вернувшись в Академгородок, я попросил моего давнего приятеля, сотрудника Института систематики и экологии животных Юрия Соломоновича Равкина, узнать, можем ли мы рассчитывать на помощь со стороны местных зоологов в наших планах попасть на озеро Чаны – место гнездования барабинских чаек. Уже на следующий день директор Института, Вадим Иванович Евсиков²⁰ дал распоряжение предоставить нам машину для этой поездки.

Выехали рано утром и, преодолев за день на ГАЗике расстояние чуть больше 400 километров, оказались к вечеру на стационаре института, стоящем и поныне вплотную к северо-восточному берегу озера Малые Чаны. Нам объяснили, что стационар, выстроенный ровно 30 лет назад, первоначально служил базой для летней практики студентов-биологов Новосибирского университета, а теперь, из-за отсутствия необходимого финансирования науки и образования, несколько летних домиков и лабораторий постепенно приходят в запустение²¹.

²⁰ Мой давний коллега по совместной работе в Институте цитологии и генетики.

²¹ Вероятно, несколькими годами позже ситуация начала улучшаться. Есть надежда, что этому будет способствовать тот факт, что в 2002 году водно-болотным угодьям этого региона присвоили статус

Само озеро сравнительно невелико, его площадь около 200 км². Располагается оно в плоской котловине безлесной, в общем, Барабинской степи, а глубина его не превышает полутора метров. Низкие берега, плесы и возвышения дна, которые можно было бы с натяжкой назвать «островками», заняты на десятки метров непроходимыми зарослями тростника и других околводных трав, так называемыми «тростниковыми займищами». В общем, ландшафт выглядел однообразным и довольно унылым. На стационаре нам предстояло прожить неопределенное время, пока кто-либо из егерей найдет время, чтобы отвести нас на моторке в более глухое место, где мы сможем найти гнезда чаек. В поселок они залетали лишь время от времени, так что здесь я смог записать их голоса, тем самым утешая себя, что время расходуется не совсем уж понапрасну.

К счастью, в самом поселке и в его ближайших окрестностях, в порослях кустарника и нестаром березовом лесу обитали птицы нескольких видов, повадки которых были мне дотоле не слишком известны. Прямо напротив входной двери нашего домика я обнаружил в пышном кусте гнездо варакушки. Оба родителя то и дело прилетали с кормом для птенцов, и мне удалось сделать несколько снимков этих птиц с близкого расстояния. В щели стены соседнего дома выкармливанием потомства была занята парочка белых лазоревок, а в лесу неподалеку от базы я снял на видео процесс постройки гнезда самцом ремеза.

Столь долго ожидаемая поездка подальше от надоевшего поселка заняла сутки, проведенные нами на плоском как стол болотистом берегу, с видом на озеро на редкость унылым. Правда, увенчалась она поимкой трех или четырех чаек. Разумеется, это не могло удовлетворить наши надежды, и стало казаться, что экспедиция окончится полным провалом.

Но, на наше счастье, на стационар неожиданно приехал сотрудник института Александр Константинович Юрлов, в те годы кандидат биологических наук, который занимался как раз изучением околводных птиц этого региона. На следующий день мы загрузились в моторную лодку и по протоке, соединяющей опустылевшее нам озеро с другим, много более крупным, направились на новое место. Там, по словам Юрлова, интересующие нас чайки должны быть в изобилии, а возможность добраться до их гнезд потребует несравненно меньших физических и эмоциональных затрат.

ландшафтно-биологического заказника с административном центре в этом крошечном поселке. См в Интернете: Чановский заказник (см. <http://www.balatsky.ru/NSO/Zakchan.htm>). Кстати, чайки этого региона здесь совершенно неверно названы «серебристыми».

На выезде из протоки на простор, откуда водная гладь простиралась до самого горизонта, Андрей сказал, что надо сделать остановку, чтобы перекусить и отдать дань давней традиции. Достав из рюкзака бутылку со спиртом, он плеснул несколько капель в воду. «Чтобы умилостивить, – объяснил он, – “Водяного”, хозяина подводного царства Чанов»²². Ближе к вечеру, проехав около восьмидесяти километров, мы оказались на острове под названием Узкоредкий, в северо-западной части озера Чаны.

Здесь нам навстречу из палаток, стоявших неподалеку от берега, вышли двое орнитологов. Их работа состояла в сборе данных по численности пернатых обитателей острова. Такие учеты проводятся здесь из года в год, но никакого постоянного жилья на случаи непогоды на острове выстроено не было. Мы поставили свою двухместную палатку так, чтобы она была защищена от господствующих здесь юго-западных ветров толстым стволом ими же и поваленной березы.

Остров Узкоредкий – это одна из примерно семидесяти полосок суши, выступающих над поверхностью озера площадью в полторы-две тысячи квадратных километров. Все эти острова вытянуты параллельно друг другу в направлении с юго-запада на северо-восток и представляют собой не что иное, как полузатопленные гривы. Явным преимуществом этого нового для нас места работы было то, что здесь, в отличие от островов Рыбинского водохранилища и Малых Чанов, можно было спокойно передвигаться по сухому песчано-глинистому грунту, не рискуя ненароком провалиться в трясины. Средняя часть острова покрыта прекрасным березовым лесом. На одном его безлесном конце располагались колонии черноголового хохотуна и крачки чегравы, в полтора раза более крупной по сравнению с крачкой речной. Оба эти обитателя Узкоредкого внесены в Красную книгу Новосибирской области. Гнездились здесь и барабинские чайки, но гораздо больше их было на другом, лишенном леса конце острова.

К моей радости, в березняке неожиданно весьма многочисленными оказались белошапочные овсянки. И пока Дима ловил чаек, в гнездах которых в то время находились недавно вылупившиеся птенцы, я вплотную занялся наблюдениями за поведением этих любимых мной птиц и записью их голосов. Среди примерно полутора десятков овсянок, которые выглядели генетически чистыми, удалось обнаружить всего

²² При раскопках древнего поселения (VI-VII века до нашей эры) близ юго-западного побережья Чанов археологи обнаружили множество изображений гигантского змеевидного ящера. Вероятно, в те времена древние люди поклонялись ему, как местному могущественному божеству. Но такого рода суеверия существуют здесь и поныне. Ими пытаются объяснить то, что именуется в этих местах «загадочными исчезновениями в озере людей». См. <http://tainy.info/unknown/uzhas-ozera-chany/>

лишь одного явного гибрида. Вот таким образом единственный самец со смешанной наследственностью, случайно остановившийся во время весенних миграций в популяции одного из родительских видов, может оказаться своего рода «затравкой» процесса внедрения в нее чуждых генов и, соответственно, дальнейшего расширения ареала гибридных популяций²³.

Примерно за неделю пребывания на острове мы полностью выполнили намеченную программу. К нашему удивлению, некоторые особи барабинской чайки **казались** практически неотличимыми от чайки западносибирской, южный край ареала которой лежит не менее чем в четырех тысячах километров к северу. Но большинство пойманных нами птиц выглядели промежуточными по ряду признаков между западносибирской чайкой и хохотуньей, обитающей к юго-западу от Чановской котловины. Иными словами, здесь, в Западной Сибири картина перемешивания генов выглядела примерно так же, как и в Европейской России. Эти результаты мы опубликовали позже в журнале «*British Birds*», а достоверность наших выводов была затем подтверждена генетическими исследованиями немецких орнитологов.

В день отъезда коллеги отвезли нас на моторной лодке за девять километров от лагеря, в поселок Таган. Здесь мы должны были сесть на автобус до города Чаны, откуда на поезде до Москвы предстояло ехать примерно двое суток. Но не все получилось так складно, как предполагалось.

Лодка врезалась носом в густые заросли тростника. Дима был в высоких резиновых сапогах, а мне пришлось переобуваться, чтобы по мелководью выйти на берег. Поэтому было решено, что он быстро пойдет вперед и купит билеты, а я подоспею к моменту отхода автобуса. По рассказам наших соседей по лагерю у нас создалось впечатление, что от берега до автобусной станции рукой подать. С места, куда мы причалили, за стеной тростника не было ни малейшего обзора окрестностей. Когда же я вышел на дорогу, то сразу понял, что дело швах. До поселка, видневшегося вдаль, было не меньше полутора километров. Стало ясно, что мы неправильно рассчитали время.

Когда я подошел к первому дому на окраине поселка, две женщины, сидевшие на завалинке, сообщили мне, что видели автобус, ушедший в сторону железнодорожной станции. Часы показывали около двух дня, и мне совсем не понравилось, что до утра, когда пойдет очередной автобус, придется коротать время неизвестно где и как. Разумеется, гораздо комфортнее было бы переждать задержку в привычном, насиженном

²³ Об этом важном обстоятельстве я упоминал в главе 6, где речь шла о черных каменках.

месте на острове. Я спросил женщин, смогу ли оставить мою поклажу у них и, получив согласие, ринулся назад, в надежде, что смогу еще захватить лодку.

Понятно, что рассчитывать на это было трудно, но заставить себя бежать бегом я все же не мог. И вот, навстречу мне едет человек на телеге, массивной как грузовик. Я стал умолять его повернуть лошадь, пообещав хорошо заплатить. Уже в этот момент нетрудно было заметить, что возница основательно пьян. Результат не заставил себя ждать. Мы подъехали к тростникам, и я указал ему место, где надеялся найти лодку. Тут он устремился напролом и остановился лишь тогда, когда колеса оказались по ступицы в воде. Лодки, разумеется, и след простыл.

«Ладно, – сказал я, – теперь едем на автовокзал!». На въезде в поселок я забрал свои вещи, и лошадь довольно бодрым аллюром устремилась по ухабам кривых улиц. Я сижу на ровном дощатом помосте, держась одной рукой за его край, а другой прижимая к себе кофр с фотоаппаратурой, опасаясь его падения. Вдруг слышу крик Димы: «Евгений Николаевич, куда это Вы направились?»

Мы принялись обсуждать, что делать дальше. Мой возница, немного к тому времени протрезвевший, сначала вел себя безучастно, а потом сказал: «Можно переночевать у моего зятя...». И вот нас подвозят на телеге к деревянным воротам, сработанным весьма основательно, под стать нашему транспортному средству. Они торжественно раскрываются, и кучер собственноручно переносит наши вещи в сени явно зажиточного дома, настойчиво отстраняя нас от малейших попыток помочь ему в этом.

Эту ночь я спал на белоснежных простынях, а Дима решил не отказываться от полевого режима и устроился на полу, устланном ковром, в спальном мешке. На завтрак были яичница и парное молоко, а потом хозяин помог отнести наши вещи на автовокзал.

За прошедшие три года нашей лаборатории удалось собрать достоверный материал по всем сторонам биологии большей части форм больших белоголовых чаек России. То, что не успели сделать мы с Димой, наверстали Вася Грабовский и Андрей Фильчагов, изучавшие чаек, соответственно, в тундрах полуострова Таймыр и на Армянском нагорье. В результате, в отчете по гранту Фонда Сороса мы привели развернутую, обоснованную критику гипотезы кольцевых ареалов, показав полное ее несоответствие реально происходящему в природе. Много позже та же мысль прозвучала в работах

большого коллектива западноевропейских орнитологов, которые основывались на сравнительно генетическом анализе всех форм чаек Старого и Нового Света²⁴.

К моменту окончания этого этапа работы нам оставалось познакомиться с еще одной формой, обитающей на озере Байкал и лежащих неподалеку от него внутренних водоемах Монголии. Но при планировании экспедиции на юг Восточной Сибири я не мог обойти вниманием тот факт, что почти ничего не было известно о взаимоотношениях в этом регионе между обыкновенными и белошапочными овсянками, давний мой интерес к которым возобновился после посещения Академгородка во время поездки наzero Чаны. В итоге получилось так, что теперь чайки остались в основном в ведении Димы, который собирался защищать по этой теме кандидатскую диссертацию. Для меня же эта экспедиция стала отправной точкой в дальнейшей разработке темы по гибридизации овсянок, начатой еще 35 лет назад, во время семилетнего моего пребывания в Академгородке. Ей я посвятил еще ряд поездок в поле, последняя из которых осуществилась в 2006 году. О них речь и пойдет в следующем разделе.

Овсянки обыкновенная и белошапочная

Прибайкалье. Ранней весной 1998 года я написал в Иркутск Юрию Анатольевичу Дурневу, в то время заведующему кафедрой зоологии в университете этого города, с просьбой принять группу из двух человек и посодействовать им в проведении исследований в Байкальском регионе. Получив согласие, выехали из Москвы на поезде 9 мая. Возможность лететь самолетом отпадала автоматически, поскольку мы везли с собой 10-литровую канистру со спиртом, провезти которую воздухом нечего было и мечтать. Провоз горючих жидкостей авиатранспортом уже давно категорически запретили. А в поле без этого продукта универсального назначения (в том числе и в качестве твердой валюты) никак не обойдешься.

Култук. Прибыли в Иркутск только на пятый день, и ЮА сразу же отвез нас в поселок Култук, где у него было нечто вроде дачи. По пути на придорожном базарчике купили хорошую порцию омуля, в пару к которому у нашего хозяина была заранее припасена

²⁴ Sternkopf V., Liebers-Helbig D., Ritz M.S., Zhang J., Helbig A.J., de Knijf P. 2010. Introgressive hybridization and the evolutionary history of the herring gull complex revealed by mitochondrial and nuclear DNA. *Evolutionary Biology* 2010, 10:348. 18 pp. (<http://www.biomedcentral.com/1471-2148/10/348>); Liebers-Helbig D., Sternkopf V., Helbig A.J., de Knijf P. The Herring Gull complex (*Larus argentatus* - *fuscus* - *cachinnans*) as a model group for recent Holarctic vertebrate radiations. *Evolution in Action*. Springer Berlin Heidelberg, 2010. 351-371

литровая бутылка какой-то особенной сибирской водки. Засиделись далеко за полночь, а перед тем, как уйти на покой, ЮА сказал, что ему надо быть в Иркутске рано утром.

Это известие нас несколько обеспокоило, поскольку в доме мы оставались не одни, а с собакой породы колли, чрезвычайно нервной и раздражительной. Ни я, ни Дима не имели каких-либо навыков в области кинологии, а собака едва ли могла успеть посчитать нас за своих за те несколько часов, что мы провели на даче.

Утром, однако, все обошлось без происшествий. Мы позавтракали и отправились на экскурсию. Шли километр за километром по заброшенному полотну того участка знаменитой Кругобайкальской железной дороги, которая огибает южную оконечность Байкала. Это сооружение, выстроенное в начале XX века, считают уникальным памятником инженерного искусства. Дело в том, что здесь берег Байкала представляет собой каменистую гряду, которая возвышается над урезом озера на высоту до 400 метров. Из-за того, что этот склон по большей части сложен скальными породами, строителям пришлось основную часть маршрута прокладывать в тоннелях либо на искусственных полках, вырубленных в скале, Откосы дороги приходилось укреплять подпорными стенками. Чтобы избежать воздействия штормовых волн, дорогу прокладывали высоко, более чем в пяти метрах от уровня воды. Проходит она на этом участке длиной в 260 километров через 33 тоннеля и по множеству виадуков²⁵.

Мы с Димой шли километр за километром, любопытствуя увидеть, а что же таится за следующим тоннелем, маячащим впереди. Погода стояла сумрачная, и ничего особенно замечательного в орнитологическом плане на глаза нам не попадалось. Самым многочисленными птицами были здесь черные вороны. Они интересны тем, что представляют собой так называемый «проблемный вид», поскольку, занимая собственный обширный ареал в Сибири, свободно гибридизируют на его границах с нашей обычной серой вороной, обитающей далее к западу. Поэтому в оправдание этой экскурсии я все время пытался записывать голоса черных ворон, намереваясь в дальнейшем сравнить их с звуковыми сигналами серых.

Ушли мы километров за восемь от поселка, а когда решили, наконец, возвращаться, пошел дождь. Он все усиливался, и когда мы подошли, наконец, к дому ЮА, то оказались вымокшими до нитки. А что будет, думали мы, беспокойно топчась у порога,

²⁵ Строительство обошлось в 10.6 млн. рублей и унесло жизни сотен,если не тысяч ссыльных узников Александровской каторжной тюрьмы. Сейчас эта трасса не используется в практических целях.

когда загремит ключ, вставленный в замочную скважину? Какова будет реакция колли на наше появление в этот довольно поздний вечерний час? Несколько вариантов действий для каждого из нас были продуманы, прежде чем мы решились войти. К нашему удивлению и облегчению, ничего из ряда вон выходящего не произошло. Собака немного поворчала, но позволила нам, одному за другим, пройти очень медленно, не делая резких движений, через комнату на кухню. А здесь уже можно было предложить ей угощение и закрепить тем самым более терпимое ее отношение к нам.

Сарма и Малое море. Еще в Иркутске было решено, что доступ к чайкам мы сможем получить, живя на стационаре Сергея Владимировича Пыжьянова, главного специалиста по этим птицам в Иркутском университете. Но это требовало согласования с его собственными планами, что в момент нашего приезда почему-то не удалось сделать сразу. Так что в Култук нас отправили просто для того, чтобы мы не томились попусту в городе. Но уже на второй день пребывания в этом поселке, после еще одной экскурсии по окрестностям, нам стало ясно, что ничего интересного нас здесь не ждет. Вернулись в Иркутск и пробыли в ожидании еще два, потратив первый из них на закупку продуктов в дорогу.

Основное затруднение состояло, как неожиданно выяснилось, в том, как доставить нас на стационар, за 250 километров от города. То ли машин не было, то ли никто не хотел ехать в такую даль. В результате ЮА договорился с кем-то из своих знакомых, что нас отвезет его сын. Он оказался довольно развязным молодым парнем, который явно чувствовал себя на высоте положения, управляя дорогим японским легковым автомобилем своего отца. ЮА дал нам «в нагрузку» двух студенток, и наш водитель всю дорогу слегка флиртовал с одной из них. Перед отъездом меня заверили в том, что с неуловимым Пыжьяновым мы встретимся где-то по пути, и до стационара доедем вместе. Дело происходило 18 мая. Забегая вперед, скажу, что увидел его я только на четвертый день после этого, к концу дня 21 мая.

Дорога шла по слегка всхолмленной степи, низкорослая травянистая растительность которой только начинала оживать – в мае в этих местах стоит еще ранняя весна. Кое-где по сторонам дороги виднелись небольшие голубые озера, а когда машина пересекала невысокие перевалы, впереди открывалась панорама Байкала. Мы въехали в поселок весьма непрезентабельного вида из нескольких домишек, часть которых выглядели полуразрушенными. А вот и стационар – три или четыре вагончика и ни одного человека!

Сначала мы думали, что вот-вот подъедет Пыжьянов, и нас пустят в теплое помещение. В это время года средняя дневная температура на Байкале составляет 9.9°C , а по ночам опускается до 2.5° . В такой обстановке пришлось сварганить ужин на костре, а затем устраиваться на ночь в палатки, не держащие тепла.

Утром возникла мысль вскрыть какой-нибудь из вагончиков. Но двери и окна каждого не просто забиты досками, но перекрыты металлическими балками, прикрученными наглухо толстенными болтами. Идею хозяев стационара понять было нетрудно – поселок, стоящий рядом, был населен бурятами маргинального свойства, единственным занятием которых были поиски спиртного или чего-то такого, на что его можно выменять. А стационар месяцами оставался без присмотра.

Но нам-то от этих трезвых размышлений было не легче. Ясно был лишь, что в нашем жалком лагере все время кто-то должен оставаться сторожем, то есть на экскурсии нельзя было уходить всем вместе. Тут-то кстати пришлось две студентки, которые и не очень-то стремились познакомиться с местной природой.

Сказать по правде, для этого у них были все основания. Местность отнюдь не отличалась ни красотой ландшафта, ни обилием живности. Мы находились в дельте реки Сармы, в поселке того же названия²⁶. Это плоская безлесная низина, хаотически пересеченная там и тут протоками разной ширины, которые очень затрудняли передвижение по местности. Среди птиц, как и в Култуке, самыми многочисленными и заметными были опять же черные вороны. Чайки лишь изредка пролетали над нами – гнездились они на острове, видневшемся вдаль через пролив под названием Малое море. Я попытался сосредоточиться на овсянках – здесь, к счастью, были и белошапочные, и такие, которые на первый взгляд выглядели наподобие обыкновенных. Первым делом следовало поймать заманка, и там, где овсянок было больше, на одной из полян с редкостойными лиственницами, я развесил две паутинные сети. Но дело не ладилось, во многом из-за подавленного настроения, в котором мы все находились.

Погода стояла мрачная, время от времени моросил дождь, а главное – удручало то, что невозможно было выспаться. К рассвету все начинали замерзать в своих спальниках,

²⁶ Считают, что и река и поселок подучили свои названия от ветра, именуемого *сармой*. Это сильный шквалистый ветер, рождающийся тогда, когда холодный арктический воздух с Приленского плато, переходя через Приморский хребет, попадает в долину реки Сарма. Она суживается к устью и, таким образом, представляет собой нечто вроде естественной аэродинамической трубы. При выходе из нее ветер достигает ураганной скорости.

и приходилось вставать чуть свет и быстро-быстро разводить костер. К тому же запасы продовольствия грозили вскоре подойти к концу, а у меня заканчивались сигареты. Магазина же в бурятском поселке, как и следовало ожидать, не было и в помине.

В преддверии третьей ночи я попытался, как принято сейчас говорить, «переломить ситуацию». Метрах в ста от нашего лагеря стоял дом без окон. Не знаю, каково было его первоначальное назначение, но вдоль длинных его стен тянулись в два этажа. дощатые нары. Большую часть этого дня наша команда разгребали битое стекло и мусор на полу, чтобы здесь можно было без опаски ходить в темноте. После ужина сгребли угли из костра в металлическое ведро, найденное у лагеря и взяв его с собой, гуськом в темноте отправились справлять новоселье. Нельзя сказать, что в помещении без окон спать было намного комфортнее, но все же под крышей было на 3-4⁰ теплее.

Но вот, на четвертый день появились хозяева стационара, которые даже не дали себе труда извиниться за свое безответственное поведение. А чего извиняться-то. Ну, прожили четверо суток на поляне перед заколоченными жилыми помещениями. Но не на морозе же в 30⁰! Пускай привыкают неженки-москвичи к суровой жизни бородатых сибиряков-таежников! Ни до, ни после мне не приходилось сталкиваться с подобным нарушением этики полевого гостеприимства.

В составе десанта неожиданно оказался мой коллега по прошлым экспедициям Александр Рубцов. Его вместе с нами поселили в вагончике, где можно было, наконец, основательно отогреться. Он собирался изучать биологию черных ворон, но быстро понял, что дело это, во-первых, весьма трудоемкое (ему пришлось бы все время лазать по деревьям), а во-вторых, не сулящее каких либо принципиально новых результатов²⁷. Я предложил ему заняться овсянками, и эта наша совместная работа растянулась затем на многие годы.

На следующий день нас с Димой доставили на ближайший остров, занятый огромной колонией чаек – не менее нескольких тысяч пар. Мы пробыли здесь до самого вечера, стараясь получить как можно больше материала, поскольку по настроению наших любезных хозяев сразу поняли, что второй раз нам здесь побывать уже не придется. Пока мой напарник ловил чаек на гнездах, я пристроился на краю обрывистого утеса, и, не сходя с места, потратил несколько часов на съемку видеофильма. Удалось запечатлеть на пленку практически все характерные особенности поведения этих птиц, в том числе и манеру воспроизведения долгого крика. Сразу стало ясно, что ни по

²⁷ Биология и взаимоотношения серой и черной ворон плане их гибридизации в Сибири были к тому времени исследованы в деталях местными орнитологами А. П. Крюковым и В.П. Блиновым.

характеру телодвижений, ни по вокальному аккомпанементу таких акций эти чайки не имеют ничего общего с хохотуньей. А ведь чаек Байкала, так же как и средиземноморских, было принято считать подвидами так называемой «южной серебристой чайки». Просто на том основании, что ареалы всех четырех форм тянутся непрерывной полосой от побережий Пиренейского полуострова на западе (форма *atlantis*) вдоль всего Средиземного моря (*michahelis*), через Причерноморье, Прикаспий и озера западного Казахстана (хохотунья *cahinnans*) до Монголии и Байкала (*mongolicus*).

Позже, при обработке данных, полученных на этом острове, с учетом анализа музейных коллекций, мы с Димой пришли к выводу, что байкальские чайки наиболее близки к чукотским, формы *vegae*. Обе эти формы улетают на зимовку в юго-восточную Азию, где вероятно находился центр их возникновения и откуда они позже расселились к северо-западу и к северу. Хохотуньи же мигрируют осенью в противоположном направлении, на юго-запад, на берега Аравийского полуострова и Красного моря, то есть связаны в своем происхождении в водоемами ближнего Востока. К сходным выводам много позже пришли европейские орнитологи (сноска 23), показавшие при этом, что байкальские чайки по своей генетической конституции имеют очень мало общего с северной серебристой чайкой формы *argentatus*. Поэтому совершенно неверно называть байкальских чаек «серебристыми», как до сих пор продолжают делать все те, кто пишут о природе Байкала в научных статьях и научно-популярных очерках.

Дима выяснил, что неподалеку от нашей базы есть маленький островок, где гнездятся чайки и куда можно доплыть на веслах на резиновой лодке. Пока он занимался там отловом птиц, мы с Сашей Рубцовым вплотную взялись за овсянок. Интрига состояла в следующем. В отличие от Западной Сибири, где оба вида обитают совместно многие столетия, в окрестности Байкала желтые овсянки проникли совсем недавно, в середине 1920-х годов, а вполне обычными стали тридцать лет спустя, за полвека до этой нашей экспедиции. Они расселялись сюда с запада по трассе БАМа, по вырубкам вдоль строящейся железной дороги.

Я называю этих овсянок «желтыми», а не «обыкновенными», поскольку значительная доля этих пришельцев с запада, где идет достаточно интенсивная гибридизация, должны были, теоретически, нести в себе гены белшапочной овсянки. И в самом деле, большинство местных «обыкновенных» овсянок выглядели наподобие тех птиц, которых мы, работая в Академгородке, без колебания относили к категории гибридов разных поколений. Вопрос состоял в том, будут ли такие птицы достаточно

охотно вступать в гибридизацию с местными генетически чистыми белошапочными овсянками.

В окрестностях Сармы эти птицы держались преимущественно по зарослям ивняка вдоль всевозможных водотоков. Что касается белошапочных овсянок, то они предпочитали здесь селиться в сохранившихся кое-где, пока что не вырубленных окончательно фрагментах своих исходных местообитаний – в хвойных лесах из сосны и лиственницы. Но там, где такие участки леса подступали к долинам водотоков, территории желтых и белошапочных овсянок располагались мозаично, вплотную друг к другу.

Батхай и еще раз Култук. В Сарме мы ловили овсянок последующие 10 дней, затем вернулись в Иркутск, и, пробыв здесь два дня, на третий переехали в другое место. Дима, завершив свою часть работы, улетел в Москву, а мы с Сашей обосновались на животноводческой ферме в поселке Батхай, до которого от Иркутска около 120 километров в направлении на юго-запад-запад, и примерно 370 до Сармы.

Здесь мы пробыли большую часть июня, немногим меньше трех недель. Новое место выгодно отличалось от предыдущего в том отношении, что леса были менее разрушены хозяйственной деятельностью человека. Сохранились обширные их массивы, в дебрях которых можно было увидеть таких малоизученных птиц, как, например, рыжая овсянка и синий соловей.

Наши овсянки гнездились здесь по опушкам березовых и лиственничных лесов. На участке примерно в два квадратных километра мы закартировали территории двадцати желтых самцов и семнадцати белошапочных. Песни тех и других очень похожи на слух. Когда наш желтый самец-заманок пел в клетке, выставленной на участке белошапочного, хозяин территории прилетал, собираясь изгнать напрошенного гостя, но, увидев, что тот выглядит непривычным образом, сразу терял к нему интерес и быстро ретировался.

Напоследок, перед отъездом в Москву, мы задержались на несколько дней на даче ЮА в Култуке. За время нашего отсутствия местность здесь полностью преобразилась. Холмы на склонах над поселком, серые и мрачные в начале мая, стали теперь темно-розовыми от буйного цветения рододендрона. Впрочем, сам Култук не стал от этого выглядеть более приветливым. Деревянные дома были беспорядочно разбросаны по склонам сопки, и куда бы вы ни пошли в надежде полюбоваться цветущими растениями, были вынуждены все время лавировать между заборами из всевозможной рухляди,

скрепленной гладкой либо колючей проволокой. Такие же преграды приходилось преодолевать, если возникало желание подойти поближе к берегу озера.

Можно было лишь позавидовать натуралистам прошлого, бродившим по этим местам в те времена, когда они не были еще столь густо населены людьми²⁸. В конце 60-х годов XIX века поселок служил основной базой польских политических ссыльных Бенедикта Дыбовского и Виктора Годлевского, которые провели первые исследования гидрологии южного Байкала, а также животного и растительного мира озера и прибрежной тайги. Заметный вклад они внесли, в частности, в составление каталога видов местных птиц²⁹.

Сравнительно немногочисленных здесь овсянок мы ловили, экскурсируя по трассе Кругобайкальской железной дороги, где еще сохранились клочки нетронутой природы. Но самое важное, что нам удалось сделать в Култуке – это изучить в деталях большую коллекцию тушек этих птиц, которую нам ЮА любезно доставил из Иркутского университета. Она содержала 132 экземпляра взрослых белошапочных овсянок (преимущественно самцов), чья окраска в данный момент интересовала нас в первую очередь.

²⁸ Пос. Култук был основан на южной оконечности Байкала в 1647 году Иваном Похабовым как зимовье по сбору ясака с местных инородцев.

²⁹ Один из них получил имя его первооткрывателя – так называемая овсянка Годлевского. Эти два исследователя первыми высказали мысль, что белый аист, обитающий в Восточной Сибири, представляет собой самостоятельный вид. Вот как об этом писал сам Дыбовский. «Пржевальский утверждает, что амурско-уссурийский аист ничем не отличается от европейского; между тем с первого же взгляда мы убедились, что это новый вид: уже один удлинненный черный клюв представляет такое существенное отличие, что в этом не оставалось никакого сомнения. Этот вид аиста я назвал *Ciconia Taczanowskii*. Отпрепарировав, правда, не весьма удачно, я отослал его в Варшаву. Тачановский признал этот молодой экземпляр недостаточным для описания и ожидал лучших, которые мы доставили ему уже в следующем году из Уссури. По этим новым экземплярам и было составлено подробное описание и сделан прекрасный рисунок, но, к несчастью, слишком поздно: нас предупредил в этом отношении Роберт Свинхое (Swinhoe), описавший тот же вид аиста по живым экземплярам, присланным из Японии в Лондон и назвавши его «*C. boyciana*». Таким образом, эта форма, с такой радостью встреченная нами в Благовещенске, была для нас утеряна». (<http://www.magicbaikal.ru/history/dybovsky.htm>)

Эта история имела следующее продолжение. Вопрос о видовой самостоятельности дальневосточного аиста все же долгое время оставался спорным. И лишь в 2004 году Екатерина Юрьевна Павлова, работавшая тогда в Московском Зоопарке, обратила мое внимание на тот факт, что брачное поведение этих птиц имеет весьма мало общего с тем, что свойственно европейскому белому аисту. Мы провели детальный сравнительно этологический анализ на основе видеозаписей и фонограмм. Результаты были опубликованы в статье «Новые данные о поведении дальневосточного аиста *Ciconia boyciana*». (Павлова Е.Ю., Панов Е.Н. 2005. «Научные исследования в зоологических парках» 18: 39–60. М.: Моск. Зоопарк). Теперь уже не оставалось ни малейших сомнений в том, что *C. boyciana* действительно не может рассматриваться иначе, чем вполне самостоятельный вид.

Дело в том, что среди десяти самцов этого вида, которых нам удалось поймать за все время этой экспедиции, и еще у тридцати, хорошо рассмотренных с близкого расстояния в 12х бинокли, ни у одного не было ни малейших признаков желтизны в оперении, столь характерной для особей гибридного происхождения. Такое отклонение от окраски типичных белошапочных овсянок мы обнаружили только у одного самца из 91, присутствовавших в коллекции. Что касается желтых овсянок, то почти все 16, пойманные нами, и абсолютное большинство коллекционных мало чем отличались от экземпляров из Академгородка, где обыкновенная и белошапочная овсянки свободно скрещиваются друг с другом.

Все это полностью противоречило тем наши ожиданиям, с которыми мы приступали к исследованию взаимоотношений этих двух видов в данном регионе. Нам казалось самоочевидным, что мы застанем здесь интенсивную гибридизацию между пришлыми желтыми овсянками со смешанной наследственностью и местными белошапочными. Оказалось, однако, что самки ни тех, ни других не признают в самцах иной окраски адекватных половых партнеров.

Этот вывод явно противоречил тому, что предсказывает общепринятая теория. Согласно ей, при первой встрече двух близких видов они сначала начинают скрещиваться в меньшей или большей степени, а затем, за счет повышенной смертности гибридов вырабатываются так называемые механизмы этологической изоляции. То есть, на основе естественного отбора, идущего по методу проб и ошибок, в смешанной популяции возрастает доля особей каждого вида, которые способны делать «верный» выбор полового партнера и избегать «ошибок в опознавании своих и чужих».

То, что нам пришлось увидеть на Байкале, гораздо лучше укладывалось в концепцию, выдвинутую мной в книге «Гибридизация и этологическая изоляция у птиц». Идея состоит в том, что процесс идет в обратном направлении. Именно, чем длительнее сроки совместного обитания близких видов, тем выше вероятность отдельных эпизодов скрещивания, сначала единичных, которые, постепенно увеличиваясь в числе, ведут к насыщению смешанной популяции гибридными особями. Этот процесс, идущий по принципу цепной реакции, выливается на *больших временах* в поступательное расширения межвидовой гибридизации. Или, другими словами, разрушении барьеров репродуктивной изоляции в зонах вторичного контакта близких видов есть попросту функция времени.

Если следовать этой схеме, на Байкале, где белошапочные и желтые овсянки вошли в контакт всего лишь меньше века назад к, перед нами пример самой начальной

стадии этого процесса. Здесь механизмы этологической изоляции работают пока что настолько надежно, что противодействуют скрещиванию между популяцией гибридного происхождения и одним из родительских видов³⁰. В Западной Сибири, где эти виды сосуществуют тысячелетиями, гибридизация идет интенсивно, несмотря на резкие различия в окраске родительских видов. На данном этапе процесс этот прогрессирует очень быстро, на временах, исчисляемых десятилетиями. Как читатель увидит позже, в дальнейшем нам удалось обнаружить на Алтае такую территорию, где фактически произошло уже полное локальное слияние интересующих нас видов.

Алтай 2005. В эту поездку на Байкал Саша Рубцов основательно увлекся овсянками и решил сосредоточиться на их изучении, взяв это темой своей докторской диссертации. По его инициативе мы получили в 2004 году грант на ее разработку от Американского фонда в поддержку гражданских исследований (CRDF, № RUB1-2630-MO-04).

Надо было срочно приступать к работе, но сам Рубцов, по ряду причин, не смог этой весной принять участие в запланированной экспедиции на восток. Сначала я предполагал ограничиться исследованиями преимущественно в окрестностях Академгородка, где обстановка и условия работы были мне хорошо знакомы и где я, к тому же, мог рассчитывать на всестороннюю помощь моих давних друзей. Но, по благоприятному стечению обстоятельств, поездка приобрела в конце концов гораздо много более обширные масштабы.

Основная трудность при подготовке к ней состояла в том, что я к этому времени лишился своего главного многолетнего помощника – Димы Монзикова. Он женился и вынужден был покинуть Институт, не имея возможности прожить с семьей на нищенскую зарплату младшего научного сотрудника. Встал вопрос о том, с кем же мне ехать.

Перебирая в памяти потенциальных попутчиков, я вспомнил, что несколько лет назад руководил дипломной работой студента биофака МГУ Михаила Мордковича. Его исследование по биологии чернолобого сорокопута произвело на меня тогда благоприятное впечатление. Из нее следовало, в частности, что автор хорошо разбирается в методиках отлова птиц. Я позвонил Михаилу, и мы договорились встретиться, чтобы обсудить план поездки в деталях.

К концу разговора он, как бы вскользь, сказал: «А, может быть, поедем на машине?». «Да, это решило бы множество проблем, – ответил я, – да где ж ее взять?» «У

³⁰ Что само по себе оказывается ситуацией уникальной, ранее не описанной в литературе по естественной гибридизации птиц.

меня есть машина на ходу», – ответил он. Сначала на его сером «Москвиче 2141» мы объехали несколько московских магазинов, торгующих оборудованием для туристов. На деньги, уже полученные от американцев, приобрели все необходимое для качественного выполнения работы. Купили хорошие импортные бинокли, два прибора GPS, только недавно появившиеся в продаже, и множество других полезных вещей.

Я решил, что, раз уж мы едем на машине, следует взять с собой из Москвы птицу-заманка. Тогда мы сможем, не теряя времени, начать отлов овсянок сразу же, как только окажемся на месте. Поехали на птичий рынок и после довольно длительных поисков купили там обыкновенную овсянку и просторную клетку для нее, прекрасно сработанную и чрезвычайно дорогую. Высокая ее стоимость объяснялась тем, что прутья стенок были не проволочными, а выточенными из мягкого дерева. В такой клетке вероятность ее узника получить травму много ниже, чем в выполненной из жесткой проволоки.

Принять участие в экспедиции с радостью согласилась и моя жена, Катя Павлова. Но она решила ехать не с нами, а поездом до Новосибирска. Время прибытия мы рассчитали так, чтобы ей не пришлось слишком долго ждать там нашего приезда. Мы тогда не подозревали, сколь высокой квалификацией водителя обладает Михаил. Получилось же так, что мы оказались на месте первыми, а она приехала лишь на следующий день.

Но давайте все по порядку! Рано утром 5 июня Миша подъехал моему дому на Красноармейской улице, мы загрузили машину и тронулись в путь. Маршрут пролегал по трассе М7 через Владимир, Нижний Новгород и Казань. К концу дня доехали до Елабуги, покрыв немногим более тысячи километров. Пока что все шло гладко, если не считать того, что нас дважды оштрафовали за превышение скорости.

Но здесь начались неприятности. Нам следовало переехать через Нижнекамское водохранилище. Из расспросов прохожих оказалось, что моста через него то ли не существует, то ли он закрыт на ремонт. Нам объяснили, что можно воспользоваться паромом, но по другим сведениям таких переправ существовало две. Долго ездили по восточным пригородам Елабуги, сохранившей еще облик провинциального города XIX века, когда после сильного пожара богатые купцы развернули здесь массовое строительство каменных домов. Кое-как попали все же в одно из указанных нам мест, но выяснилось, что приехали не туда, куда следовало. Нашли, наконец, то, что искали. По бокам узкой проселочной дороги, спускавшейся с зеленого пригорка к воде, стояли три или четыре легковые машины. Паром давно ушел, и никто не знал, как скоро он

вернется и вернется ли сегодня вообще. Не укладывалось в голове, что на другом берегу водохранилища нас ждет ультрасовременный город Набережные Челны, сердце автомобильной промышленности страны, где изготавливают знаменитые КАМАЗы.

Но деваться было некуда. А количество автомобилей, намеревающихся попасть на паром, стало постепенно увеличиваться. Я посоветовал Мише поставить машину вплотную к воде – как раз там, где должен был быть въезд на паром. В глубоких сумерках поставили рядом палатку и вытащили из багажника выючный ящик, на котором разложили скромную снедь для ужина. Потом легли спать – было около 11 часов вечера.

Примерно часа через два все вокруг пришло в движение. Паром, с которого доносились голоса, был уже совсем близко. Машину пришлось сдать назад и вбок на несколько метров, чтобы освободить проезд для транспорта, прибывшего с той стороны. Пока они выезжали гуськом с парома, мы быстро свернули палатку и, как я и рассчитывал, оказались на нем первыми. От места посадки на паром до выезда на причал в Набережных Челнах судно проходит по водохранилищу на север около 10 км. Миша все это время дремал на водительском месте, а я, глядя в окно машины на водную гладь, с наслаждением выкуривал одну сигарету за другой. Было облегчением осознавать, что неожиданное препятствие уже, по сути дела, позади.

Беспокоило лишь одно: как чувствует себя еще один наш пассажир – овсянка, клетка с которой, прикрытая легкой светлой тканью, стояла на заднем сидении. Я время от времени поворачивался назад, приоткрывал край этого покрывала и с радостью убеждался, что птица выглядит наилучшим образом. Была середина ночи, в машине царил полумрак, и она должна была, по идее, крепко спать в такой обстановке. Но овсянка не только не была напугана всей предшествовавшей суетой, но стоически перенесла все передряги этого длинного дня и теперь спокойно сидела на жердочке, поблескивая открытыми глазами. Мне оставалось лишь радоваться тому, какую удачную покупку мы сделали на птичьем рынке. Эта птица принимала участие и в следующей нашей экспедиции на будущий год, а потом прожила много лет у Саши Рубцова.

На следующий день к вечеру проехали 720 км и миновали Челябинск. Там нас застал страшный ливень. О ночевке в палатке не могло быть и речи, Остановились в мотеле, и к моей радости, несмотря на поздний час, буфет в нем был еще открыт, и для меня нашлись даже 150 грамм водки.

На этом отрезке пути, в отличие от предстоящего нам на завтра, трафик был еще довольно интенсивным. Мише то и дело приходилось обгонять фуры по встречной полосе, что он делал подчас довольно рискованно. Я сказал ему: «Миша, когда приедет Катя, Вы уж делайте так пореже, а то у нее нервы могут не выдержать...». На свободных участках дороги он развивал скорость до 140 км в час, и я опасался, как бы машина не развалилась.

Интересна была реакция водителей шикарных иномарок, когда, обогнав их, мы быстро оказывались далеко впереди. Они не могли взять в толк, как это доморощенный «советский» автомобиль показывает такое преимущество в скорости перед их машинами, купленными на доллары и евро. Один такой почитатель иностранной техники, трижды оставаясь в хвосте, каждый раз догонял нас и на несколько минут оказывался в выигрыше. Но Миша прибавлял газа и снова обгонял его. На четвертый раз тот остановился у обочины, словно ему самому это очень понадобилось в данный момент, и больше мы его не видели.

Ситуация коренным образом изменилась на третий день, когда мы проехали Омск. Далее из семи отрезков между населенными пунктами три превышали 100 километров в длину (105, 136 и даже 294). Напряженной стала ситуация с заправками, Один раз мы едва дотянули до нее, толкая машину руками, когда она категорически отказалась ехать примерно за 30 метров от колонок. 560 километров до въезда в Новосибирскую область выглядели совершенно ненаселенными, и оставалась лишь удивляться тому, что китайцы до сих пор не оприходовали эту богатейшую территорию.

В Академгородок мы приехали в первой половине этого, третьего дня пути, покрыв за сравнительно короткое время 3365 километров. Я не сразу сумел показать Мише, как въехать на Морской проспект, настолько здесь все изменилось за те 40 лет, которые прошли после моего отъезда отсюда. Остановились, как и в предыдущий приезд с Димой, у Валерия Пальчикова и стали ожидать приезда Кати. Как и тогда, первым пунктом полевой работы стала его дача. Здесь мы за два дня (11 и 12 июня) видели семь овсянок и одну из них поймали. Все они были желтыми, а та, которую удалось поймать и рассмотреть в деталях, выглядела бесспорным гибридом.

Эти беглые наблюдения подтвердили справедливость интересного и неожиданного вывода, сделанного в этом самом месте восемь лет назад, когда мы с Димой ловили здесь овсянок. Тогда оказалось, что белошапочные овсянки, вполне обычные в окрестностях Новосибирска в 1960-е годы, практически полностью исчезли. В тот год мы с Димой не видели здесь ни одной.

Она из гипотез объясняла это тем, что за 30 лет, прошедшие с того времени, произошла так называемая поглотительная гибридизация, и этот вид был вытеснен потомками смешанных пар. Но нельзя было исключить другой ход событий. Могло быть и так, что в силу каких-то изменений в местной экологической обстановке северная граница ареала белошапочной овсянки сдвинулась к югу, в то время как обыкновенные овсянки оказались более терпимыми к этому гипотетическому фактору и продолжали существовать здесь как ни в чем не бывало.

Мы решили проехать дальше на юг и посмотреть, каково соотношение в численности двух видов там. В Академгородке мы выяснили, что сможем базироваться сколь угодно долго на стационаре Института биологии и систематики Сибирского отделения РАН, расположенного в поселке Черга на Чуйском тракте. До него было немногим больше 500 километров, и мы решили не ломиться напролом, а сделать передышку примерно на полпути, в окрестностях Барнула. Остановится там можно было у старого приятеля Кати, зоолога Евгения Петровича Кашкарова³¹, с которым она раньше контактировала по делам охраны природы. Там мы переночевали, огляделись и пришли к выводу, что овсянок здесь много и место благоприятно для наших исследований. Но решили все-таки сначала посетить Чергу и попытать счастья там.

В Черге погода нам не благоприятствовала. В первый день дождь шел с утра до вечера, так что об экскурсиях не могло быть речи, и Миша занялся ремонтом машины (отвалился глушитель). Все же за последующие пять дней удалось поймать одиннадцать птиц, среди которых оказалась и типичная белошапочная овсянка. Интересно, что этот самец бурно реагировал на нашего заманка – обыкновенную овсянку, привезенную из Москвы. Хозяин участка явно принимал «пришельца» «за своего» и нападал на него до тех пор, пока не угодил в сеть. Этот эпизод очевидным образом контрастировал с тем, что мы наблюдали в подобных случаях на Байкале, где самцы белошапочных овсянок не тратили сил на изгнание обыкновенных со своих участков. В Черге мы видели еще одну типичную белошапочную овсянку, но преобладали здесь желтые с явными признаками гибридного происхождения.

Надо было возвращаться в Барнаул. Катя должна была по срочным делам вернуться в Москву, и мы решили отправить ее самолетом из этого города. На обратном пути из Черги мы заехали к орнитологам, работавшим в университете Горноалтайска,

³¹ Е.П. Кашкаров занимается исследованием редких видов млекопитающих, изучением краевых популяций, ритмами природных процессов и разработкой стратегии охраны биоразнообразия, базирующейся на временных закономерностях изменения климата. Гл. редактор журнала *Ritm - Rhythm Journal*. Автор около 80 научных публикаций и трех монографий.

административного центра Республики Алтай. Там мы попросили показать нам музейные коллекции. Увиденное убедило нас в том, что, как мы и предполагали, численность белошапочной овсянки должна увеличиваться в южном направлении, ибо большая часть экземпляров этой коллекции были добыты на самом юге Алтайского края, ближе к границе с Монголией.

Прежде чем отправить Катю в Москву, мы втроем пробыли четыре полных дня в Рассказихе и поймали здесь семь овсянок, из которых одна выглядела как генетически чистая белошапочная. Потом поехали с Мишей на юг и провели исследования еще в трех точках по Чуйскому тракту, на расстояниях 195, 243 и 260 километров от этой нашей базы. Когда характер местности соответствовал излюбленным местообитаниям овсянок, мы останавливали машину примерно через каждые 100 м и включали через динамик запись песни. Если в ответ на эти звуки в поле зрения появлялась овсянка, на открытое место выставляли клетку с птицей-заманком. В большинстве случаев хозяин территории подлетал к клетке, так что мы могли рассмотреть его в бинокли с близкого расстояния. Если овсянка вела себя достаточно агрессивно по отношению к заманку, мы пробовали поймать ее лучком, выставленным рядом с клеткой, либо паутинной сетью. Перед отловом при удачном стечении обстоятельств песню каждой данной овсянки записывали на портативный магнитофон, а координаты каждой остановки фиксировали с помощью прибора GPS. Каждую пойманную птицу кольцевали и брали у нее пробу крови.

Эта методика позволяла получить сведения не только о тех овсянках, которых удавалось поймать, но и у тех, которых мы могли хорошо рассмотреть и зарисовать характерные черты их облика. В результате мы имели теперь достаточно полное представление о состоянии смешанной популяции овсянок на трансекте длиной свыше 500 километров между Новосибирском и Чергой.

Конец экспедиции мы провели в Рассказихе. Наш хозяин Евгений вставал чуть свет и садился писать свою докторскую диссертацию, а мы, позавтракав, усаживались в машину и раз за разом объезжали окрестности поселка. Можно было рассказывать о каждой удачной поездке, когда отлов шел успешно и наш охотничий азарт бывал удовлетворен. Но особенно запомнился один эпизод. Уже начинало смеркаться, когда мы руками поймали юную овсянку, не умевшую еще летать. В этом возрасте обыкновенные овсянки отличаются от белошапочных легким налетом желтизны на оперении. По этому признаку пойманного слетка можно было считать овсянкой желтой. Но поймали мы ее на территории самца, который выглядел как овсянка белошапочная.

Очень важно было поймать его и рассмотреть в руках. Если бы он, действительно оказался чистокровным, желтизна в оперении его детеныша указывала бы недвусмысленно, что его супруга была овсянкой желтой. Такими явными свидетельствами успешности размножения смешанных пар мы тогда еще не располагали.

Так что поймать самца было необходимо. Но он явно не был согласен с нами. Мы растянули паутинную сеть и положили диктофон, проигрывающий песню этого вида, прямо у ее нижней кромки. Солнце уже село, и даже в бинокль было плохо видно, где именно самец находится в данный момент. Вот он приближается, прыгая по земле, к диктофону, но снова улетает подальше. Затея начала казаться невыполнимой, и мы уже раза три или четыре собирались сесть в машину и уехать. Но вот Мише показалось, что неподвижная до этого сеть пришла в движение. Почти уже в полной темноте бежим туда – и птица у нас в руках! Опасаясь упустить пленника в том **состоянии** ажиотажа, которое охватило нас, оставили осмотр столь желанного трофея до приезда домой. И, о радость, у этого самца не обнаружилось ни малейших признаков смешанной наследственности.

Алтай 2006. К концу экспедиции, о которой сейчас шла речь, стало ясно, что сделанное нами останется незаконченным, если оставить без внимания территории вдоль того отрезка Чуйского тракта, который простирается южнее Черги. До его окончания на границе с Монголией оставалось еще около 450 километров. Чтобы обследовать эти места, необходимо было располагать собственным надежным транспортом. Но снова гнать машину из Москвы и ехать своим ходом в столь дальний маршрут казалось нерациональным.

Еще во время последнего нашего пребывания в Рассказихе Евгений Кашкаров посоветовал нам обратиться к зоологу из Барнаула Алексею Грибкову. У него наверняка есть автомобиль и, кроме того, будучи местным жителем, он прекрасно знает эти места и мог бы стать нашим проводником. Зимой мы списались с Грибковым, и он согласился за умеренную плату принять участие в новой запланированной экспедиции.

На этот раз нас было трое, не считая овсянки. К нам с Михаилом присоединился Саша Рубцов. Ехать до Барнаула решили поездом, поскольку канистра со спиртом и птица в клетке едва ли были уместны на борту авиалайнера. Впрочем, и в поезде присутствие овсянки в нашем купе, которое было выкуплено целиком на троих, вызвало

резкое недовольство проводницы, несмотря на то, что клетка была все время обернута тканью, а птичка лишь изредка напевала вполголоса.

Алексей встретил нас на вокзале. До этого я не спрашивал у него, на какой машине мы поедем и побаивался, как бы это ни оказались «Жигули». К нашей радости он провел нас к «Ниве», которая, впрочем, не выглядела новой. По ее виду было ясно, что она хорошо послужила прежнему владельцу, у которого Алексей купил ее только за несколько дней до нашего приезда.

По его словам, машину следовало проверить и довести до кондиции перед столь дальней поездкой. От Барнаула до границы с Монголией нам предстояло проехать по трассе 700 километров, не считая разъездов поисках овсянок в тех точках, где придется останавливаться на время для ловли птиц. На этот косметический ремонт требовалось не меньше недели, и мы трое решили провести это время в Рассказихе, где можно было пополнить материал, собранный в прошлом году.

Хозяин дома в это время был в США, в городе Сизтл, у своей жены Кэтлин, биолога как и он сам³². Милые старички-соседи выдали нам ключ, и мы снова оказались в привычной обстановке, с которой было связано так много приятных прошлогодних впечатлений. Интерьер дома выглядел весьма необычно: нечто вроде лабиринта из концентрических эллипсов, так что, попадая сюда впервые, вы не сразу могли понять, куда двигаться, чтобы оказаться на кухне или в гостиной. Внутри строения не было ни одного прямого угла, а стены прежние хозяева выкрасили на высоту человеческого роста темно-синей масляной краской. В наш первый приезд сюда Евгений объяснил, что дом он купил у баптистов, так что его странное устройство было связано, вероятно, с какими-то их верованиями.

Высокие стеллажи в центральной комнате ломались от книг, они же громоздились на полу всюду, где скромная мебель оставляла свободными подступы к стенам. Эта богатейшая библиотека сильно скрасило наше пребывание здесь. Время было ранневесеннее (конец апреля), и погода далеко не всегда благоприятствовала работе в поле. В дождливые дни мы погружались в чтение. Меня особенно заинтересовали несколько книг на английском языке, изданные совсем недавно в США, где речь шла о ранней истории человечества. В них, в частности, обсуждался вопрос о времени первого проникновения людей в Новый Свет, об эволюции каменных орудий первых поселенцев и о загадках освоения человеком Южной Америки. Эти темы не переставали

³² О необычных обстоятельствах этого брака и о совместных исследованиях супругов см. очерк Людмилы Ермолиной «Любовь через океан» (<http://www.ap.altaregion.ru/348-07/5.html>)

интересовать меня с тех пор, как я работал над книгой «Знаки, символы, языки», и я конспектировал эти новейшие материалы, допуская, что, возможно, когда-нибудь дополню ими очередную ее, расширенную версию.

Во время этой вынужденной паузы в ожидания готовности машины Алексея к дальнейшему маршруту удалось узнать кое-что новое и об овсянках. Дом Евгения стоял вторым с краю, в дальнем конце от въезда в деревню, и надо было пройти всего лишь пару сотен метров, чтобы оказаться в центре мозаики их территорий. Уже на второй день я заметил, что один желтый самец постоянно попадает на глаза в паре с самкой белошапочной овсянки. Ее в конце концов удалось поймать, но самец оказался гораздо более осмотрительным. Многие часы, затраченные мной на попытки заполучить его в руки, оказались затраченными впустую. Птица решительно отказывалась идти в лучок и благополучно избегала сетей, развешенных в местах ее постоянной кормежки.

Нет смысла описывать в деталях все перипетии дальнейшего путешествия по Алтаю, занявшего более месяца. За это время мы делали остановки на три-четыре дня в семи точках по южному отрезку Чуйского тракта длиной 370 километров. Склоны гор, примыкающие к шоссе были в это время года малиновыми от бурно цветущего рододендрона. Несколько раз мы отклонялись на несколько десятков километров от этой основной трассы, и пользовались гостеприимством многочисленных знакомых Алексея, постоянно живших в этих глухих местах. Всюду во время этих остановок мы вели учеты и отловы овсянок по той же методике, что и в предыдущей экспедиции. За недостатком места мне придется далее ограничиться лишь теми немногими результатами, которые за время этой поездки оказались принципиально новыми, существенно полнившими все, что нам было известно ранее о взаимоотношениях двух видов овсянок.

Самое интересное, пожалуй, ожидало нас в конце намеченного маршрута. Здесь мы базировались чуть больше недели в поселке Кош-Агач. В его окрестностях я заранее запланировал получить хорошие цифровые фотографии местных сорокопутов (даурского жулана и его гибридов с жуланом европейским), а заодно пополнил свою коллекцию фотографий животных изображениями местных видов птиц³³. Из Кош-Агача мы совершив две поездки в районы, значительно удаленные от Чуйского тракта. Но прежде чем описывать увиденное там, хочется сказать несколько слов о самом поселке.

³³ Как раз перед экспедицией мне удалось приобрести цифровую камеру Nikon D70s и фирменный телеобъектив Nikon VR ED 677.

В нем я побывал впервые в 1968 году³⁴, еще в годы Советской власти. За эти 38 лет он разительно изменился. Тогда для меня он выглядел забытым Богом местом, чем-то вроде запущенной резервации из нескольких десятков почерневших деревянных домишек с населением около полутора тысяч человек. Местные жители-алтайцы, обреченные на праздность, казалось, еле-еле сводили концы с концами. Теперь же, несмотря на десятилетия бездарного управления страной, всюду чувствовалась медленная поступь прогресса. Уже можно было выбирать, в каком именно из нескольких магазинов стоит покупать продукты. Ясно было, что лишь после Перестройки люди получили возможность действовать в своих интересах и по собственному почину развивать мелкий бизнес.

Примером тех результатов, к которым привели эти социальные преобразования, стала для меня маленькая чистая гостиница, одноэтажная, где нам выделили одну из комнат, которых всего было в ней, как помнится, лишь три или четыре. Здесь мы только ночевали, а по утрам завтракали, взяв у администратора электрический чайник, после чего выезжали на экскурсии. Я с благодарностью вспоминаю то ощущение домашнего уюта, которое все время сопутствовало нам во время пребывания в Кош-Агаче.

Одна из двух дальних поездок, предпринятых нами из этого поселка, никак не была связана с основной задачей экспедиции. Алексею Грибкову было необходимо воспользоваться нашим пребыванием близ границы с Монголией и посетить высокогорья хребта Сайлюгем – одну из тех трех территорий Южного Алтая, где обитают алтайские горные бараны (аргали)³⁵. Нам предстояло проехать 65 километров

³⁴ Об этом см. в главе 2.

³⁵ Аргали – самый крупный представитель рода баранов (*Ovis*). Масса взрослых самцов может достигать 200 кг и более. Рога до 190 см в длину, закручены в спираль с окончаниями наружу и вверх. Они весьма популярны в качестве охотничьих трофеев – их цена может достигать нескольких тысяч долларов. Кроме того, эти рога используются в китайской народной медицине, из-за чего на аргали охотятся местные браконьеры.

Трагично то, что в истреблении этого краснокнижного вида принимают участие и те, на чьей ответственности должна лежать его охрана. катастрофой вертолѐта Так, 9 января 2009 года при незаконном отстреле аргали с воздуха в тех самых местах, о которых здесь идет речь, вертолет Газпромавиа потерпел крушение. В охоте принимали участие бизнесмены и крупные чиновники, среди которых был **полпред Президента России в Госдуме РФ А.С. Косопкин**. авария случилась из-за того, что стрелявший с вертолета **главный природоохранник** Республики Алтай В. Каймин поскользнулся и его воздушным потоком выбросило на несущие винты. Когда его закрутило, летчик сделал резкое движение вниз. Высота полета была маленькая, поэтому вертолет ударился о землю, начал крутиться вокруг собственной оси и катиться по склону. Только потому, что дело кончилось гибелью его и еще шести участников «царской охоты», эпизод не смогли замять, как ни старались. Судья Кош-Агачского суда Республики Алтай утверждал, например, что из показаний свидетелей «не следует, что кто-либо из подсудимых принимал участие в незаконной охоте». В мае 2011 года браконьерам вынесли оправдательный приговор. Однако позже Верховный суд республики Алтай отменил его и отправил дело на пересмотр. Понадобилось два года, чтобы Косопкин был посмертно признан браконьером. В

прямо на юг, вверх по долине реки Чаган-Бургазы. Там, у впадения в нее реки Саржематы, мы остановились в деревушке того же названия, состоявшей из трех-четырёх домов. Это место жительства семейно-родовой общины скотоводов из алтайского этноса теленгиты³⁶. Как это обычно бывало и ранее во время экспедиции, обитатели этого медвежьего угла также оказались давними друзьями Алексея и встретили наше появление радостными приветствиями. Они поселили нас в доме, стоявшем на отшибе от прочих и состоящем из одной большой комнаты с внушительного вида печью посередине нее.

Мы находились на высоте свыше 2000 метров над уровнем моря, и хотя на дворе был уже май, на дворе царил адский холод, особенно по ночам. Печь приходилось топить непрерывно, но даже при этом условии укладывались, одев на себя все теплые вещи. Особенно мучительно было вылезать по утрам из спальных мешков, сразу же кидаться растапливать печь, одновременно лихорадочно разжигая походный примус, чтобы поскорее согреться изнутри чаем.

Прямо в поселке можно было увидеть несколько видов птиц, ранее мне неизвестных. Так что я вплотную занялся фотоохотой и получил снимки бледной завирушки и горной чечетки. Но особенно интересовал меня монгольский земляной воробей, обитающий в России только в хребте Сайлюгем. Я обошел окрестности поселка в поисках этих птиц, но безуспешно. И вдруг выяснилось, что один самец постоянно держится примерно в 50 метрах напротив нашей входной двери. Ранними утрами он подолгу сидел на одном и том же камешке высотой сантиметров в пять, время от времени взлетая с него и проделывая характерный рекламный полет в сопровождении простенькой песни. Я пристроился на земле метрах в 20 от него и, дождавшись того, что он перестал обращать на меня внимание, сделал большую серию фотоснимков этой сравнительно редкой птицы.

На крышу нашего дома по утрам прилетала пара клушиц. Эти птицы из семейства врановых, с иссиня черным оперением и длинными карминно-красными клювами были

расследовании этих событий и в восстановлении справедливости большую роль сыграли Геблеровское экологическое общество в Барнауле и его председатель А.В. Грибков.

³⁶ Теленгиты – сибирский народ (субэтнос алтайцев), коренной малочисленный народ Российской Федерации. Язык теленгитов – южноалтайский, точнее – собственно алтайский (теленгитское наречие). Он относится к киргизско-кыпчакским (хакасским) языкам тюркской группы алтайской языковой семьи. По переписи населения 2002 года численность теленгитов в Республике Алтай составляла 2,4 тыс. человек. Вместе с тем сами теленгиты оценивают свою численность не менее чем в 15 тыс. человек.

мне хорошо знакомы. В одну из экспедиций в Закавказье я дней десять жил в большой пещере, где пара клушиц гнездилась в щели ее потолка. Но здесь мне удалось снять на видео их своеобразные брачные игры, особенно интересные своим весьма своеобразным дуэтным вокальным аккомпанементом.

На третий день мы отправились на машине выше в горы, где Алексей рассчитывал проверить, какова численность обитающей здесь группировки аргали. Планировалось доехать до верховий реки Саржематы. Там можно было остановиться в охотничьем домике у самой границы с Монголией. Почти все 20 километров до этого места машина шла по руслу, перегороженному там и тут грядами валунов самых разных размеров. Эту кошмарную «дорогу» я снимал на видео через ветровое стекло «Нивы», поражаясь, каким образом этот выдавший виды автомобиль ухитряется преодолевать все эти бесконечные препятствия. Страшно было подумать, что будет, если с машиной случится что-то серьезное. До места нашей стоянки было уже очень далеко, а чтобы искать помощь у пограничников, пришлось бы кому-нибудь идти пешком ничуть не меньшее расстояние.

Позавтракав в домике, трое из нас занялись орнитологическими наблюдениями за местными высокогорными видами птиц. На озерца, синевшие там и тут в углублениях желто-оранжевого каменистого ложа, то и дело со звонким курлыканьем прилетали с гор оранжевые же «утки»-огари, а на травянистых участках держались рогатые жаворонки. Алексей тем временем ушел в горы искать аргали. Максимальные высоты достигают здесь более трех тысяч метров над уровнем моря. Его не было часа четыре. Насколько мне помнится, ему все же удалось увидеть одно небольшое стадо.

Во время другой поездки из Кош-Агача, цель которой отвечала основным задачам всей экспедиции, мы получили сведения, которые полностью подтвердили нашу первоначальную рабочую гипотезу. Местом работы было выбрано урочище Талдуаир³⁷ – горный массив на стыке южных отрогов восточной части Курайского хребта и западного склона хребта Чихачева³⁸. Около 45 километров мы ехали от Кош-Агача точно на восток по местности, типичной для выровненной горной полупустыни, именуемой Чуйской степью. Единственными препятствиями оказывались неглубокие русла речушек, которые наша «Нива» преодолевала без особого труда. Стояли последние дни мая, и там и тут виднелись чудесные куртины пышно цветущей сон-травы.

³⁷ Позже, в 2012 году, постановлением Правительства Республики Алтай было предписано создать здесь заказника «Талдуаир» для сохранения таких краснокнижных видов, как снежный барс и алтайский горный баран аргали.

³⁸ По этому хребту проходят границы Республик Алтай и Тыва, а южнее – между Россией и Монголией.

Машина въехала в редкий лиственный лес, покрывавший подножие пологого склона в основании западных отрогов Талдуaira и мы решили остановиться здесь лагерем. Предстояло в течение двух дней провести учеты местных овсянок. В первые же часы, не отходя далее чем на несколько сот метров от места стоянки, мы поймали трех чистокровных самцов белошапочной овсянки, а на второй день – еще одного. Экскурсии, предпринимавшиеся в разных направлениях всеми четырьмя членами отряда однозначно показали, что желтых овсянок здесь нет и в помине!

Вывод напрашивался сам собой. Мы достигли северной границы основного, исконного ареала белошапочной овсянки, откуда отдельные особи расселяются далее к северу³⁹ и скрещиваются там с обыкновенными, после чего начинается процесс массовой гибридизации по схеме цепной реакции. Понятно, что белошапочных овсянок должно быть тем больше, чем южнее находится данная местность на проложенном нами трансекте, что я и предполагал доказать, планируя эту экспедицию. Именно это подтвердили подсчеты особей двух видов в нескольких пунктах остановок на обратном пути к дому.

Белошапочные овсянки оказались вполне обычными в окрестностях поселка Чибит, что в 108 километрах к северу от Кош-Агача, где мне, кстати сказать, удалось сделать несколько редких кадров при съемках других видов птиц⁴⁰. Они составляли немногим более 39% и далее к северу, близ поселка Хабаровка, еще через 131 километр к северу по Чуйскому тракту.

Въехав в Хабаровку, мы, как всегда в таких случаях решили в поисках жилья во время остановки подъехать к магазину и расспросить местных жителей о возможности найти пристанище на два-три дня. Нам посоветовали ехать в сельсовет, где нас любезно принял его председатель – миниатюрная женщина восточной внешности, элегантно одетая совершенно по европейски. Проверив наши документы, она сказала, что сейчас свяжется по телефону с одним из местных фермеров. «Сейчас он приедет за вами», – сообщила она. Пришлось ждать, сидя в машине довольно долго, так, что кое-кто из самых нетерпеливых предлагал оставить это дело и ехать дальше.

К счастью, терпение возобладало. Появился крепкий молодой человек на мотоцикле и предложил нам следовать за ним. Мы въехали в обширную усадьбу,

³⁹ Такое выселение части особей из исконного ареала формы есть следствие так называемого *популяционного давления*. Это способ эмигрантов избежать конкуренции с прочими особями, когда численность местной популяции превышает некую оптимальную норму, отвечающую ресурсным возможностям соответствующего жизненного пространства.

⁴⁰ Например, кукушки с мохнатой гусеницей в клюве и спаривание вертишейек.

основательно защищенную от проникновения посторонних оградой из толстых слег. «Живите сколько хотите!», – сказал хозяин, объяснив нам, что собирается открыть здесь стоянку для туристов. Так что мы оказались для него первыми желанными ласточками.

Место оказалось истинным золотым дном. Прямо вокруг дома пели овсянки обоих видов, а на следующий день мы обнаружили среди них немало гибридов. Ситуация выглядела так, словно мы наткнулись на такое место, где на наших глазах идет процесс локального *слияния видов*. Прошло уже восемь лет, а Саша Рубцов ездит сюда каждую весну, продолжая свои исследования по гибридизации овсянок.

Покинув гостеприимную Хабаровку, мы двинулись дальше на север. Примерно через 60 километров начинался затяжной Семинский перевал⁴¹. Между подъемом на него и началом спуска, на расстоянии около десяти километров пролегало нечто вроде плато, поросшего кедровым лесом. Мы сделали несколько коротких остановок, включая каждый раз записи голосов овсянок и обходя ближайшие окрестности. Никаких признаков присутствия овсянок обнаружить не удалось. Видно, местность их не устраивала по тем или иным причинам.

Но как только спуск по серпантину закончился, овсянки тут же стали заметными, и все они были желтыми! Все это говорило о том, что на исследованном нами отрезке трансекта Семинский перевал с его своеобразной лесной растительностью служит своего рода преградой к свободному расселению белошапочных овсянок к северу. Основательно проверить это принципиальное заключение мы вознамерились в последующие дни. Было решено остановиться в Черге (в 70 километрах южнее перевала) и уже оттуда съездить назад в ранние утренние часы, когда птицы максимально активны, а учеты их потому наиболее продуктивны.

В Черге мы задержались на несколько дней. Надо было выяснить, будет ли отличаться соотношение в числе белошапочных и желтых овсянок от того, что мы видели здесь в прошлом году. Оказалось, как и следовало ожидать, что никаких существенных изменений не произошло. Осуществили мы и наш план поездки на юг к Семинскому перевалу. У его северного спуска мы разделились на две группы. Саша и Миша пошли пешком, а я и Алексей медленно ехали на машине. Когда мы с ним вернулись к намеченному месту встречи и объединили результаты обоих учетов, оказалось, что среди 23 увиденных нами самцов только один (4.3%) выглядел как

⁴¹ См. о нем в главе 2.

типичная белошапочная овсянка. Напомню, что к северу от перевала, в Хабаровке таких птиц было значительно больше трети от числа учтенных (39.3%).

Эволюция в действии. За время шести экспедиций, описанных в этой главе, полностью подтвердились основные идеи, высказанные мной ранее в книге «Гибридизация и этологическая изоляция у птиц» (глава 6). Правда, о гибридизации овсянок в ней было сказано немало, но чайки в эти более поздние годы оказались для меня в данном контексте объектом совершенно новым.

В упомянутой книге я настаивал на важности явления, именуемого ретикулярной (или сетчатой) эволюцией. Суть его в том, что расхождение веточек эволюционного дерева не обязательно является процессом финальным и необратимым. Представим себе две формы, которые произошли от общего предка и в ходе своего последующего независимого развития накопили *множество различий* самого разного свойства (в основе своей генетических) и тем самым оказались в данном фрагменте кроны эволюционного дерева как бы его *концевыми побегами*. Долгое время считали, что с течением времени ход событий может быть единственно возможным. А именно, что они будут все дальше уходить друг от друга по пути усиления разделяющих их различий⁴².

Концепция ретикулярной эволюции рисует и еще одну возможность. Она состоит в том, что такие формы могут со временем войти во вторичный контакт и путем гибридизации сформируют некую синтетическую общность, в которой свойства обеих окажутся гармонически интегрированы настолько, что ее можно будет назвать некой эволюционной инновацией.

Важно заметить, что такой процесс вторичного слияния форм, во-первых, может происходить в пространстве локально, не охватывая их целиком. И, во-вторых, он тем более вероятен, чем протяженнее промежуток времени с того момента, когда такие формы впервые получили возможность контактировать друг с другом.

Те результаты экспедиций, о которых речь шла в этой главе, показали, что сходные процессы такого рода обнаруживаются в столь разных группах птиц, как чайки и овсянки. Уже одно это можно считать важным свидетельством того, что мы имеем здесь дело с закономерностью общего характера. Или, иными словами, отдаленная («межвидовая») гибридизация не есть некий каприз природы, случайное отклонение от кардинальной линии эволюции, но представляет собой вполне закономерное явление. И

⁴² Такова общая схема дарвиновской дивергентной эволюции.

что особенно существенно для поступательного прогресса зоологических исследований, анализ такого рода ситуаций дает нам в руки возможность изучать современными количественными методами процессы эволюции в действии.